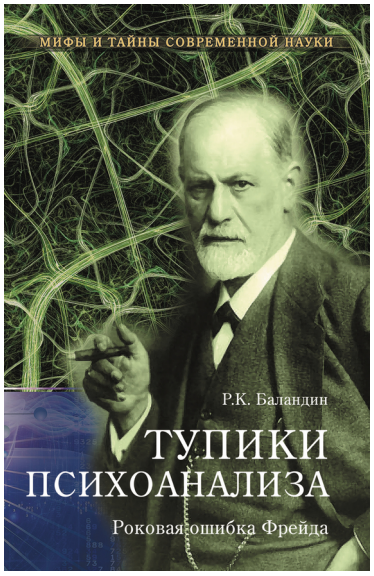

МИФЫ И ТАЙНЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ
Р.К. Баландин
ТУПИКИ ПСИХОАНАЛИЗА
Роковая ошибка Фрейда

Рудольф Константинович Баландин

Тупики психоанализа. Роковая ошибка Фрейда

Серия «Мифы и тайны современной науки»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14653653
Тупики психоанализа. Роковая ошибка Фрейда / Р.К. Баландин.: Вече; Москва; 2014
ISBN 978-5-4444-1660-0, 978-5-4444-8198-1

Аннотация

Кто такой Зигмунд Фрейд – психиатр, психолог, философ, один из наиболее прославленных интеллектуалов XX века? Как воздействовал он на общественное мнение, научную и философскую мысль?

В учении Фрейда, по мнению одного из основателей социальной психологии У. Мак-Дугала, «каждый кусочек правды почти нераздельно смешан с заблуждением, покоится в массе своей на тёмных, очень спорных, уводящих в сторону положениях». Крупный французский специалист по экспериментальной психологии П. Фресса пришёл к выводу: «Психоанализ – это вера, а чтобы уверовать, надо сначала встать на колени».

Допустимо ли считать идеи З. Фрейда научными? Есть мнение, что это лишь имитация науки, миф в традициях древних шаманов и заклинателей.

Одно бесспорно: учение Фрейда – характерный феномен духовной жизни современной цивилизации.

Содержание

Пролог 4
Глава 1 11
Родом из детства 11
Симптом Эдипова комплекса? 15
Путь в профессию 19
Лавры и тернии 23
Популярность 29
Глава 2 37
Скучно о смешном 37
Зубоскальство 42
«Ей-ей, умру от смеха!» 47
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Рудольф Баландин
Тупики психоанализа.
Роковая ошибка Фрейда

Пролог
Своя душа – потёмки

Всё, что мы побеждаем, – малость.
Нас унижает наш успех.
Необычайность, небывалость
Зовёт борцов совсем не тех…

Не станет он искать побед.
Он ждёт, чтоб высшее начало
Его всё чаще побеждало,

Чтобы расти ему вослед.

Рейнер Мария Рильке (Перевод Б. Пастернака)

1

Кто такой Зигмунд Фрейд как психиатр, психолог, философ, один из наиболее прославленных – восторгами, пересудами и разгромной критикой – интеллектуалов XX века? Как воздействовал он на общественное мнение, научную и философскую мысль?

Учение Фрейда до сих пор пользуется немалой популярностью. Не потому ли, что оно верно? В противном случае от него давно бы отказались.

Впрочем, не так всё просто.

«Знание – сила». Согласимся с Френсисом Бэконом. Однако незнание значительно сильней.

В учении Фрейда, по мнению одного из основателей социальной психологии У. Мак-Дугала, «каждый кусочек правды почти нераздельно смешан с заблуждением, покоится в массе своей на тёмных, очень спорных, уводящих в сторону положениях». Крупный французский специалист по экспериментальной психологии П. Фресса пришёл к выводу: «Психоанализ – это вера, а чтобы уверовать, надо сначала “встать на колени”».

Многие тысячелетия пользуются успехом заклинатели, колдуны, чародеи (ныне – экстрасенсы). Публика падка до загадочных модных учений. А доверие к психоанализу, вера в него – главнейший фактор его реальных и мнимых успехов.

Книги Зигмунда Фрейда, написанные доходчиво и на темы, волнующие многих, с интересом читались образованной публикой. Он вскрывал острые проблемы, вторгался в области интимной жизни, которые считались в обществе запретными, «неприличными». У кого-то это вызывало протест и возмущение (не всегда искреннее), что лишь содействовало успеху его работ и популярности его метода.

Кого не интригует разгадка сновидений? Тысячи лет люди разных стран и народов, мыслители и шарлатаны, правители и обыватели предавались этому занятию. Вот и первая популярная работа Фрейда «Толкование сновидений» (1900) привлекла внимание не столько психологов, сколько широкой публики. Затем последовали его книги «Психопатология обыденной жизни», «Остроумие и его отношение к бессознательному».

Трудно сказать, был ли его выбор тем и заглавий рассчитан на привлечение читателей или клиентов, но результат был именно таким. За последние десятилетия в серьёзных научных работах ссылки на идеи Фрейда встречаются редко, что не мешает их популярности в общественном мнении, в особенности среди тех, кто причисляет себя к интеллектуалам.

Проще всего объяснить это модой, рекламой психоанализа, который приносит очевидную пользу… не всегда пациентам, но всегда психоаналитику. Главное: Фрейд вошёл в историю не только психологии, но и философии, до сих пор оставаясь для многих «властителем дум».

2

В одной из своих лекций Фрейд сказал: «Я думаю, что психоанализ не способен создать особое мировоззрение. Ему и не нужно это, он является частью науки и может примкнуть к научному мировоззрению».

Тут он дважды ошибся. Психоанализ превратился в мировоззрение, хотя и не научное. Советский философ Ю.А. Муравьёв в постсоветское время (1997) писал: «Зигмунд Фрейд…

не будучи философом, оказал, однако, огромное влияние на мировоззренческие установки интеллектуалов XX века, главным образом, благодаря своей трактовке сознания и разнообразных феноменов человеческой культуры».

Другой отечественный философ Л.В. Блинников высказался в том же духе: «Идеи Фрейда оказали огромное влияние на многих мыслителей и целые направления в философии, социологии, социальной психологии, литературе и искусстве… Возникло психологическое направление – фрейдизм, стремившееся применять учение Фрейда для объяснения явлений культуры, творчества и общества».

Статья о Фрейде приведена в солидной энциклопедии «Великие мыслители Запада» (1992). Американский философ М. Мосс пишет: «В последнее время Зигмунд Фрейд всё более узким образом ассоциируется со своей концепцией человеческой сексуальности. На самом же деле он остаётся одним из самых влиятельных в Западном мире мыслителем XX века. Фрейдовские концепции импульса, либидо, психоза и “психоанализ”… настолько глубоко проникли в наш образ мышления, что трудно даже представить истолкование мира, который не был бы структурирован с помощью этих понятий».

По словам грузинского академика Б.Р. Нанейшвили: «Трудно переоценить влияние этого учения на дальнейшее развитие психологии и клинической психиатрии, да и вообще на эволюцию человеческой мысли. Ведь недаром Фрейда ставят в один ряд с Аристотелем, Дарвином, Эйнштейном, называют “зодчим современного понимания человека”, “одним из научных новаторов нашей эпохи”, а его учение – “коперниковским переворотом”, видоизменившим не только науку, но и культуру общества в целом».

Столь восторженная характеристика может вызвать оторопь. Сходство с учением Коперника можно усмотреть в том, что если польский учёный ставил Солнце в центр Мироздания, то Фрейд первоосновой личности считал сексуальные переживания. Это утверждение весьма с омнительно.

Допустимо ли считать идеи З. Фрейда научными? Есть мнение, что это лишь имитация науки, миф в традициях древних шаманов и заклинателей.

Одно бесспорно: учение Фрейда – характерный феномен духовной жизни современной цивилизации.

3

До сих пор нередко считают главным признаком «научности» степень математизации знаний. Этому критерию не отвечают основы геологии, биологии, истории, психологии, так что их по такому критерию не следовало бы считать состоявшимися науками.

Идеалом предельной отстранённости от личности исследователя могли бы служить механика и технические науки. Это естественно в цивилизации, где базисом общества считают материальное производство, технику, экономику.

Однако даже для высших животных немалое значение имеет духовное бытие. В противном случае они не заботились бы о детёнышах, не общались между собой, не обучались друг у друга. Что уж тогда говорить о человеке!

На мой взгляд, основа – среда, в которой существует общество, – Биосфера, земная область жизни, существующая миллиарды лет. А определяют нашу жизнь духовные и материальные потребности. Первые необходимы для того, чтобы жить, а вторые – чтобы жить по-человечески.

Изучение духовной жизни человека и общества – особая область познания. Она субъективна, опирается на осознание мыслителем самого себя и свого окружения. Поэтому талантливые писатели или умудрённые опытом обыватели могут быть более проницатель-

ными психологами, чем психологи-профессионалы, бездумно следующие по пути того или иного научного направления.

«Познай самого себя» – был завет античной философии. Любой психолог изучает других, вольно или невольно исходя из собственных убеждений, пристрастий, склада ума и характера, социально-политических взглядов, а то и текущей конъюнктуры. Уже поэтому собственная душа может быть не менее загадочной, чем чужая. Тем более что ум не отделён от эмоций и часто зависит от них.

За последнее столетие в психологии успешно используют приборы, применяют математические методы, теории техногенного (искусственного) интеллекта. Сформировались психофизиология, нейропсихология, социальная психология. Успешно – с позиций бизнеса – практикуют разные школы психоанализа.

И всё-таки, психика современных людей оставляет желать много лучшего. Растёт процент душевных недугов, множатся преступления маньяков. Современный человек имеет возможность много знать, пользуется Интернетом, но стал ли он умнее своих предков? Увы, самостоятельность и культура мышления находятся на низком уровне не только у обывателей, но и у интеллектуалов.

Техническая цивилизация деформирует личность. Хотя заметить это значительно трудней, чем кажется на первый взгляд, особенно – в потёмках собственной души.

4

Судьба каждого из нас и всего общества зависит не только от физического здоровья и продолжительности жизни (финал её неизбежен), но прежде всего – от здоровой психики, ясного ума, моральных устоев и полноты бытия.

С незапамятных времён люди заботились о врачевании психических недугов, уповая на магию, колдовство, заклинания, моления, религиозные ритуалы. От этого была немалая польза. В противном случае вымерли бы племена, использующие вредную «психотерапию», либо она сама отмерла бы за ненадобностью.

Не случайно в древности особым уважением пользовались шаманы, жрецы. Они считались носителями сокровенных знаний. В ту пору материальные потребности людей были невелики, а потому духовные факторы в наибольшей степени ценились и влияли на жизнь общества.

Успехи технического прогресса и развитие промышленности сменили приоритеты. Возобладала и укоренилась идея о том, что экономика, производство и потребление материальных ценностей – главная забота общества, а человек должен соответствовать этому критерию. Иначе он обречён на поражение в борьбе за комфортное существование.

В таком случае идеалом цивилизации могут служить обитатели муравейника или пчелиного улья. У них значительно целесообразней, экономней и эффективней, чем у людей, исполняются функции питания, совместной деятельности, размножения, защиты от внешних врагов.

Эти сообщества процветают десятки миллионов лет, а техническую цивилизацию десять тысячелетий терзают внутренние неурядицы. Ныне подходят к критической черте экологический, финансово-экономический, социальный, духовный кризисы.

Материальные блага необходимы людям, чтобы выполнять, как любому животному, физиологические функции. Духовные ценности, высокие идеалы, интеллектуальные потребности резко отделяют нас от прочих существ, определяя главную суть вида Homo sapiens, человек разумный.

Кто-то возразит: прежде всего надо есть, пить, пребывать в комфорте и безопасности, получать удовольствие от жизни… Да, это необходимо (в разумных пределах), но совер-

шенно недостаточно. Иначе человек превратится в упитанную и благоденствующую скотину. И в этом смысл его эфемерной жизни?! Если он надеется на вечность своей жалкой души, то мог бы задуматься: кому она нужна? Как говорится, ни Богу свечка, ни чёрту кочерга.

Нашу суть определяют не биологические, а духовные, интеллектуальные потребности. Откуда они взялись? Откуда-то свыше, как мистическое озарение? Или это дар природы? И как воздействует на наш духовный мир техническая цивилизация?

Вопросов немало, и мы постараемся на них ответить в меру наших знаний и не взирая на мнения авторитетов.

5

Зигмунд Фрейд перешёл от метода лечения психических расстройств у определённого контингента пациентов к обобщениям о духовной сфере человека вообще. Не потому ли в его философских взглядах присутствует немалая доля психопатологии? Или человечество становится пациентом глобальной психиатрической лечебницы?

Там, где господствуют машины, производство и потребление, человек превращается в определённую функцию, штифтик (по выражению Ф. Достоевского), или, как за полвека до него писал И. Гердер, – в винтик государственного механизма.

На эту одну из главных причин психических расстройств и важный фактор формирования личности Фрейд не обратил внимания. Он признавался, что идеи Достоевского повлияли на его творчество, но воспринял он эти идеи произвольно и весьма искажённо.

Нам, гражданам России, особенно интересно и поучительно познакомиться с выполненным Зигмундом Фрейдом «психологическим портретом» русского народа (именно так, скопом!). Внутренний облик нашего народа получился весьма непривлекательным, если не сказать скверным.

Можно возразить: «Есть русская поговорка – нечего пенять на зеркало, коли рожа крива». Учёный старался быть объективным, и не его вина, что получился такой результат.

В данном случае похоже на то, что кривым оказалось «зеркало», выработанное по канонам психоанализа при остром дефиците фактов. Доказать это не представит большого труда. Но может быть, таков частный случай, зато основы учения Фрейда кристально чисты и прочны? В этом нам придётся разобраться.

Фрейда критиковали многие специалисты ещё при его жизни. В этом преуспели и некоторых его талантливые ученики. Но его идеи пользуются немалой популярностью поныне. Этот феномен вряд ли объясним только тем, что психоанализ – доходный бизнес для тысяч психиатров разной квалификации, а также для шарлатанов.

Для изложения исторических корней психоанализа, его разновидностей и подробной критики требуется объёмистая работа, предназначенная для специалистов. У нас другая задача. Вернее сказать, сверхзадача: лучше понять самих себя и людей вообще.

Но и это ещё не всё. Суть и судьба учения Фрейда помогают осмыслить патологию психики современного общества, а не только отдельных личностей. Это тем более важно, что ситуация в этой сфере катастрофическая.

6

Желая понять психику другого человека, мы вольно или невольно начинаем с самих себя. Такова наша система координат. Иной возможности нет. Однако понять себя не менее трудно, чем понять другого. И это относится не только к обычному обывателю, но и к профессиональному психологу, включая, конечно же, Зигмунда Фрейда.

В душе есть обширная область бессознательного, которая порой руководит нашими поступками и мыслями властно ещё и потому, что мы этого не сознаём. А ныне даже эта область души подвергается мощному давлению извне и деформируется основательно.

Согласно учению Фрейда, в глухих мрачных подвалах подсознания каждого из нас таятся тени забытых предков, зверские инстинкты, демоны, готовые при каждом удобном случае вырваться на свободу. Законы и нравы цивилизации тщетно пытаются сковать их. Конфликт зверя и культуры вызывает психические аномалии.

Так ли происходит в действительности? А если ситуация прямо противоположная? Если именно цивилизация наделила человека теми качествами, которые мы несправедливо приписываем диким зверям?

На мой взгляд, такая точка зрения близка к истине. Постараюсь это доказать.

Глава 1
Жизнь Зигмунда Фрейда

Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слёзы лью,
Но строк печальных не смываю.

Александр Пушкин

Родом из детства

Психолог, осмысливая духовную сферу человека, исходит из самопознания. Даже при желании соблюдать объективность – важнейший принцип научного исследования – он не может отрешиться от самого себя. Поэтому прежде чем перейти к анализу идей психолога-теоретика, надо проследить его жизненный путь.

В учении Фрейда огромная роль отведена впечатлениям и стрессам детского возраста и ранних сексуальных страстей. Можно предположить, что это связано с его личными переживаниями, на основе которых он делал такие выводы.

О его младенческих годах имеются только косвенные свидетельства и более или менее убедительные домыслы.

Это понятно: каждый из нас помнит лишь эпизоды детства, начиная с трёх-четырёх лет. Такая закономерность интересна и отчасти имеет отношение к учению Фрейда, хотя он о ней, насколько я знаю, не писал. По-видимому, особо важные сведения, связанные с освоением основ языка, движений, взаимодействия органов тела переходят в подсознание, на уровень безусловных рефлексов.

У каждого человека раннее детство определяет в значительной степени базисные черты личности. Как живое зерно, эта первичная психическая структура со временем преображается, определяя основные черты организма. При всех изменениях более позднего возраста, те или иные наши поступки, эмоции могут иметь истоки в том периоде детства, который не сохранился в нашем сознании, но остался в глубинных кладовых памяти. В этом, пожалуй, заключено «рациональное зерно» учения Фрейда.

Что же известно о его детских годах?

Зигмунд Фрейд, а точнее, Сигизмунд Шломо Фрейд, родился 6 мая 1856 года в еврейской семье в городке Фрайберг (Моравия) Австро-Венгерской империи. За два месяца до этого умер его дед по отцу Шломо, и его имя перешло к внуку. Впрочем, в более поздние годы внук предпочёл именоваться на немецкий манер.

Семья Фрейд (конец XIX века)

Сигизмундом его назвали, возможно, в честь святого Сигизмунда, покровителя Богемии (его день отмечали 1 мая). Был ещё король Польский и великий князь литовский Сигизмунд I, защищавший права иудеев. А в XV веке король Германии, Венгрии и Чехии Сигизмунд I стал императором Священной Римской империи.

Если так назвали еврейского мальчика, значит, его родители не были ортодоксальными иудаистами и хотели, чтобы ребёнок мог естественно войти в окружающую социальную и национальную среду. Хотя в этой среде были распространены антиеврейские настроения, что сказалось на характере Зигмунда Фрейда.

Его отец Якоб имел двух сыновей от первого брака – Филиппа и Эммануила. Жена сорокалетнего Якоба Амалия Натансон была вдвое его моложе. Отец семейства торговал тканями. Когда Сигизмунду было три года, Фрейды переехали в Лейпциг.

«Я был сыном родителей… – вспоминал Зигмунд Фрейд, – спокойно и комфортно живших в этом маленьком провинциальном гнёздышке. Когда мне исполнилось около трёх лет, отец разорился, и нам пришлось покинуть свою деревню и переехать в большой город. Последовала череда долгих и трудных лет, из которых, как мне кажется, ничто не достойно воспоминания».

Обратим внимание на последние слова. Они противоречат одному из главных постулатов его учения, согласно которому душевные травмы детства вызывают в поздние годы серьёзные отклонения психики, неврозы и депрессии. Учёный должен был внимательно исследовать свой внутренний мир. Это могло подтвердить (или опровергнуть) теоретические выводы, а также помогло бы понять истоки своих воззрений и выделить в них субъективную и объективную часть.

Зигмунд Фрейд не стал проводить такой психоанализ. Или не решился писать о нём? Вряд ли: он привык смело вторгаться в неведомое. Скорее всего, сказалась его замкнутость или, что более вероятно, он не был последовательным в использовании своего метода.

Переезд семьи сказался на детских впечатлениях будущего психиатра, хотя и не в сфере сексуальности (которую он в своём учении расширил едва ли не до вселенских масштабов). Маленький Сигизмунд горько рыдал, расставаясь со сводным любимым братом Филиппом.

Незадолго до этого он испытал другое потрясение: была уволена его нянька Тереза, которая во многом заменяла ему мать. Тереза, чешка по национальности, была католичкой. По-видимому, она водила временами Сигизмунда в церковь.

Мать его не могла уделять сыну много внимания. Спустя полгода после его рождения она забеременела. Родившийся младенец вскоре умер. К тому времени Амалия вновь была беременна и в конце 1858 года родила дочь, названную Анной. Неудивительно, что до трёх лет няня заменяла ему мать.

Много позже, проводя клинический самоанализ для борьбы со своим психозом, Зигмунд Фрейд пришёл к мысли, которую затем стал развивать в неординарную теорию. Он написал другу Вильгельму Флиссу, что в результате осмысления своих сновидений сделал вывод: маленьким ребёнком он иногда видел мать раздетой, испытывая сексуальное влечение к ней. Он ревновал к ней отца и новорождённую сестру, желая ей смерти. Вскоре она умерла, и он остро ощутил чувство вины.

Не исключено, что ситуация была более сложной, а в качестве объекта ревности был не отец, который часто отсутствовал из-за своих коммерческих дел. Это обстоятельство, а также косвенные данные наводят некоторых биографов Фрейда на мысль, что отцом Анны мог быть сводный брат Зигмунда Филипп, который был на несколько месяцев старше Амалии. Убедительных доказательств этому нет, хотя некоторые свои сновидения Зигмунд Фрейд изложил так, что напрашивается именно такой вывод.

Загадочны причины переезда семьи. По одной версии, в связи с изменением конъюнктуры доходы Якоба Фрейда упали. Но ведь на новом месте они поначалу бедствовали, живя значительно хуже, чем раньше. Отец семейства был человеком рассудительным и вряд ли сделал бы столь непродуманный в экономическом отношении шаг.

Биограф Фрейда американский философ и психолог Герберт К. Уэллс писал: «Ко времени рождения Зигмунда его отец стал “свободомыслящим” и перестал посещать синагогу. Он твёрдо уверовал в то, что все чудеса могут быть объяснены наукой и что человеческий разум в один прекрасный день создаст свободный от предрассудков мир, в котором все люди будут равны… Якоб был убеждён, что в конечном счёте идеи французской революции – “свобода, равенство и братство” – будут осуществлены. После революции 1848 года в течение трёх лет казалось, что в этом направлении были достигнуты значительные успехи, но потом наступила реставрация старых порядков, и Австрия была раздавлена железной пятой реакции, вместе с которой нахлынула и волна свирепого антисемитизма».

По мнению Уэллса, такой была причина переезда семьи Фрейдов. Сомнительная версия. Во-первых, «свирепого антисемитизма» не было. Во-вторых, на новом месте в этом отношении вряд ли было много лучше. К словам и поступкам антисемитов Якоб относился с философским спокойствием, возможно, с долей презрения. В-третьих, сын его Филипп остался в городе; почему же его не смутил антисемитизм?

Не исключена связь переезда с увольнением няни, обвинённой в воровстве, и предполагаемой любовной связи Амалии с Филиппом. Няня могла сказать об этой связи отцу семейства. Филипп в ответ обвинил её в воровстве, о чём заявил в полицию с согласия Амалии. Чтобы избежать пересудов и сохранить семью, Якоб решился на переезд. Такая версия весьма вероятна.

Старший сын Зигмунда Фрейда Мартин писал: «Мой отец описывал свою собственную няньку как старую уродливую женщину, католичку, которая имела обыкновение брать его к церковным службам во Фрайбурге». Некоторые биографы предполагают, что няня имела намерение обратить малыша Сигизмунда в католичество и даже могла тайно его крестить, за что и была изгнана.

Странным выглядит описание Зигмундом Фрейдом своей няньки. Вряд ли он помнил её и, тем более, мог в младенчестве воспринимать её как старую и уродливую. Судя по всему, так говорили ему о ней мать и брат, чтобы объяснить отказ от неё: ведь он наверняка сильно переживал её отсутствие. А затем последовало прощанье и с братом Филиппом.

Расставание с любимыми людьми – удар по психике. И если говорить о привязанности вообще, то можно предположить, что в личности будущего «отца психоанализа» этот душевный шрам остался навсегда, но в более поздние годы «сублимировался» (перешёл) в сексуальную сферу.

Чувства привязанности, любви при большом желании нетрудно свести – ради подтверждения теории – к первичным инстинктам сексуальности. Но как показала зоопсихология, даже для животных такое толкование слишком упрощённое и субъективное (об этом речь пойдёт позже).

Может показаться, что при подозрении в измене жены обманутый муж должен был проявить шекспировские страсти, устроить грандиозный скандал, проклясть сына и т.п. Для умного, рассудительного и сдержанного Якоба это было исключено. Ведь речь шла о подозрениях, а не о факте. Он принял верное решение.

Впрочем, таковы догадки. Большинство биографов предпочитают простейший вариант: дела у Якоба Фрейда пришли в упадок и он вынужден был искать счастья в другом месте. Ведь написал Зигмунд Фрейд, что отец разорился (хотя об этом он знал только со слов родителей, которые могли скрыть от него истинную причину переезда).

Итак, Фрейды переехали в Лейпциг, а через год – в пригород Вены. Они вынуждены были жить, по сути, в гетто, среди бедняков. С помощью родственников через некоторое время финансовое положение и условия жизни семьи улучшились.

Образованием Зигмунда сначала успешно занимались родители. Он сдал вступительный экзамен в гимназию в девять лет (на год раньше положенного срока). Дома ему были предоставлены все возможности для занятий: отдельная комната, необходимые книги. Чтобы другие дети не мешали ему, им не разрешали заниматься музыкой.

Сказалось ли такое особое внимание и уважение к его персоне на более поздних проявлениях интеллекта и характера Зигмунда Фрейда? В чём это могло проявиться? В той или иной степени такая опека развивает в молодом человеке не только самоуважение, но и чувство своего превосходства над многими другими.

Например, на одной из фотографий Сигизмунд в возрасте 5—6 лет – упитанный мальчик, стоит, подбоченясь, у кресла с независимым или даже заносчивым выражением лица.

Симптом Эдипова комплекса?

Зигмунд Фрейд в своих работах упомянул немного случаев из своего детства. Некоторые из них показательны.

Однажды он «напрудонил» в спальне родителей. (Пожалуй, это было видом протеста или в связи с их конфликтом, или за то, что они его обидели.) Отец строго его отчитал, в сердцах воскликнув: «Из тебя ничего не выйдет!»

Как позже признался Зигмунд: «Это было, по-видимому, страшным оскорблением моему самолюбию, так как воспоминание об этом эпизоде постоянно проявляется в моих сновидениях и связано обычно с перечислением моих заслуг и успехов, точно я хочу этим сказать: видишь, из меня всё-таки кое-что вышло».

Урок пошёл впрок. Но с того момента, возможно, он почувствовал некоторую неприязнь к отцу. Слишком уж резким был переход от похвал ребёнку, на которые родители не скупились, к порицанию.

Когда он испачкал сальными руками стул, то, видя огорчение матери, пообещал ей купить новый стул, когда вырастет и станет великим человеком. Значит, родители пробуждали в нём чувство собственного достоинства и стремление достичь успеха в жизни. А его с детства привлекали истории о деяниях выдающихся людей, полководцев.

Если он и стал героической личностью, то прежде всего в сфере смелости мысли, в стремлении преодолеть общественные предрассудки, вторгаясь в области интимной жизни личности, о которых принято было умалчивать.

Его поразили слова матери о том, что люди были созданы из глины, а потому им суждено рано или поздно вернуться в землю. Он этому не поверил. Тогда она, потерев ладони, показала ему тёмные крупинки. По-видимому, это были хлебные крошки.

Сын впервые задумался о том, что ему суждено умереть, уйти в землю. По его признанию: «Я неохотно уступал этой мысли, которую слышал впоследствии выраженную следующими словами: “Ты обязан природе смертью”». Возможно, так пояснил ему отец. То есть природа человека предполагает неизбежность небытия.

Не тогда ли у него возникло предчувствие поздней идеи стремления к смерти, Танатосу, в противоборстве с влечением к жизни и Эросу? Об этом остаётся только догадываться.

При желании подобные связи можно не только предполагать, но и строить на них гипотезы о воздействии на взрослого человека мыслей и эмоций детских лет, погруженных в глубины бессознательного и оттуда при определённых условиях всплывающих на свет разума. Таков метод подбора и подгонки фактов под готовый ответ. К сожалению, им слишком часто пользовался Зигмунд Фрейд для доказательства своих теорий.

В юности ему довелось разочароваться в отце. На всю жизнь запомнил он историю, рассказанную отцом во время прогулки. Желая объяснить, как изменилось к лучшему отношение местного населения к евреям, Якоб бесхитростно поведал ему о том, что произошло с ним в молодые годы.

Зимой в субботу Якоб со своим первым сыном вышел на прогулку. По случаю праздника он был хорошо одет, с новой меховой шапке на голове. К нему подошёл местный житель, христианин, и с криком – «Жид, прочь с тротуара!» – сбил шапку с его головы. Она упала в грязь.

– И что ты сделал? – спросил Сигизмунд.

– Я пошёл на проезжую часть улицы и поднял мою шапку, – тихо ответил отец.

«Это казалось мне трусливым со стороны большого, сильного мужчины, который держал за руку маленького мальчика», – вспоминал Зигмунд Фрейд.

Значительно позже, при Гитлере, ему на собственном опыте пришлось убедиться, насколько беспомощным бывает человек во враждебном социальном окружении. А в детстве, услышав этот печальный рассказ отца, он был возмущён до глубины души: почему Якоб не ударил этого подонка, не свалил в грязь! Ему было стыдно за отца.

Негодование мальчика нетрудно понять. Но можно ли осуждать поведение отца? У наглого негодяя, скорее всего пьяного, могли быть поблизости приятели или сочувствующие. В случае драки Якоба могли не только поколотить, но и при вмешательстве полиции назвать виновником конфликта.

Непростым было положение зажиточных евреев среди более бедной основной массы местных жителей. И дело тут не только, а то и не столько в тривиальной зависти. Свое негодование за социальную несправедливость было проще и безопаснее излить на инородцев, находившихся в абсолютном меньшинстве. Вдобавок, предоставлялась возможность насладиться чувством собственного превосходства.

По-видимому, Якоб не смог объяснить сыну непростые обстоятельства происшедшего события. Ему хотелось, чтобы у Зигмунда не было чувства униженности, неполноценности, которое испытал отец. А результат был иным. Разочарование в отце сопровождалось, возможно, уверенностью в том, что сам-то Зигмунд поколотил своего оскорбителя. По его мнению, изменились не нравы, а изменился к лучшему он по сравнению с отцом.

Казалось бы, в данном случае очевидно пробуждение в Зигмунде Фрейде так называемого комплекса Эдипа (соперничества и превосходства сына над отцом при эротическом чувстве к матери), ставшего одним из краеугольных камней его учения. Для этого есть, на первый взгляд, определённые основания. В буржуазных семьях отец нередко авторитарен, и сыну приходится преодолевать его влияние на свою личность.

Однако Якоб не был семейным деспотом. Он отличался спокойным и мягким характером, рассудительностью, хотя мог порой и вспылить. Сигизмунд вряд ли испытывал к нему сильную привязанность. На фотографии он в возрасте примерно 10 лет стоит несколько отстранённо возле отца, сидящего в кресле. Вид у мальчика независимый.

Но даже если у него возникло чувство своего морального и даже интеллектуального превосходства перед менее образованным отцом, это ещё не означает ревность к нему как сопернику за обладание любовью матери. Можно, конечно, предположить, что такие негативные эмоции оставались в тёмных глубинах его бессознательного. Но подобное предположение, основанное на предположении, противоречит научному методу, требующему доказательств. Научная гипотеза, в отличие от вольных фантазий, должна опираться на факты, которые в данном случае отсутствуют.

В психологии приходится иметь дело с множеством сведений о конкретных личностях, в том числе с отклонениями от нормы (которая в немалой степени условна). Исследователь имеет возможность выбрать сведения, подтверждающие его теоретические воззрения, не обращая внимания на другие.

Ситуация усугубляется, когда речь идёт о неосознанных чувствах. Тут для теоретика открыто широкое поле для предположений, которые нельзя ни доказать, ни опровергнуть. А это уже выходит за рамки метода науки.

«Каждый философ, писатель и биограф придумывает свою собственную психологию, выдвигает свои гипотезы о закономерностях и целях душевных актов. В области психологии отсутствуют уважение и авторитет. Здесь любой может, следуя своим собственным вкусам, “заниматься браконьерством”».

Сигизмунд Фрейд с отцом Якобом

Так писал З. Фрейд. И он был одним из наиболее дерзких браконьеров в психиатрии, психологии, а также философии.

Можно ли рационально исследовать область бессознательного? Да! Для этого надо проводить опыты, прежде всего на животных, чем и заняты многие физиологи. Не случайно И.П. Павлов за свои открытия получил Нобелевскую премию, чего не удостоился З. Фрейд. При всех сомнительных решениях Нобелевского комитета, премии за научные открытия присуждаются не за гипотезы, а за реальные доказанные достижения.

В отношении безусловных, врождённых или приобретённых в раннем младенчестве рефлексов, человек немногим отличается от высших животных. Но если анализировать чувства и неосознанные помыслы взрослого человека, то сопоставлять их с простейшими инстинктами или с младенческими переживаниями невозможно без изрядной доли фантазии.

Судя по детству Сигизмунда Шломо Фрейда, у него не было черт личности, которые постулирует Эдипов комплекс. Случай с шапкой, сбитой с головы его отца, наводит на мысль

о преобладающем влиянии на психику человека условий социальной среды. Это относится и к Якобу Фрейду, и к тому негодяю, который его оскорбил.

Отрешаясь от здравого смысла, можно считать, будто дорогая шапка была не показателем материального достатка владельца, а подсознательной установкой на демонстрацию своей сексуальной мощи, а тот, кто её сбил, бессознательно так и решил, а потому столь же неосознанно это опроверг. Ведь согласно толкованию символов по Зигмунду Фрейду шапка сопоставляется с мужским половым членом.

Фантазируя, нетрудно прийти к выводу: юный Зигмунд бессознательно воспринял инцидент с шапкой как демонстрацию полного сексуального фиаско отца и своего преимущества перед ним…

Но при чём тут эротическая любовь к матери, столь важная в системе этого комплекса Эдипа? И вообще, на каком основании выдумываются нелепые объяснения, когда есть простая и оправданная на многих примерах в разных странах и веках причина, определённо связанная с социально-политическими факторами и националистическими предрассудками!

Путь в профессию

Зигмунд Фрейд рано пристрастился к чтению. Со временем его интересы стали склоняться к философии. Любимыми авторами, помимо Шекспира, были Кант, Гегель, Шопенгауэр, Ницше. Родным для него был немецкий язык; изучал он греческий и латынь, хорошо знал французский и английский, говорил на испанском и итальянском. В гимназии он отличался успехами в учёбе, закончив её с отличием.

Под влиянием школьного товарища он заинтересовался вопросами права, политики, общественного устройства. Но с мечтами о политической и военной карьере ему пришлось расстаться: для евреев предполагались профессии, связанные с коммерцией, промышленностью, юриспруденцией и медициной.

На его решение повлияло то, что в те годы широко обсуждалась в обществе эволюционная теория Дарвина. Главным стимулом стала поразившая его философская поэма в прозе Гёте «Природа»:

«Природа! Окружённые и охваченные ею, мы не можем ни выйти из неё, ни глубже в неё проникнуть. Непрошенная, нежданная, захватывает она нас в вихрь своей пляски и несётся с нами, пока, утомлённые, мы не выпадем из рук её.

Мы живём посреди неё, но чужды ей. Она вечно говорит с нами, но тайн своих не открывает. Мы постоянно действуем на неё, но у нас нет над нею никакой власти…

Она позволяет каждому ребёнку мудрить над собой; каждый глупец может судить о ней; тысячи проходят мимо неё и не видят; всеми она любуется и со всеми ведёт свой расчёт. Её законам повинуются даже тогда, когда им противоречат…

У неё нет речи и языка, но она создаёт тысячи языков и сердец, которыми она говорит и чувствует.

Венец её – любовь. Любовью только приближаются к ней. Бездны положила она между созданиями, и все создания жаждут слиться в общем объятии. Она разобщила их, чтобы опять соединить. Одним прикосновением уст к чаше любви она искупает целую жизнь страданий…

Она меня ввела в жизнь, она и уведёт. Я доверяю ей. Пусть она делает со мной, что хочет. Она не возненавидит своего творения».

Зигмунд решил посвятить себя изучению природы и в 1873 году поступил на Медицинский факультет Венского университета. Правда, медицина его не увлекла. Позже он признавался: «Я не чувствовал никакой предрасположенности к занятиям медициной и профессии врача». С наибольшим интересом он посещал философские семинары. Увлечённость философским методом познания, предполагающим значительную долю субъективности и абстрагирования при соблюдении правил логики, но не всегда с учётом конкретных фактов, оказала влияние на теоретические схемы Фрейда. Научный метод, требующий убедительных доказательств, основанных на фактах, он исповедовал весьма вольно.

Впрочем, его первые исследования были хотя и ученическими, отчасти скучными, но вполне отвечали методу экспериментальной науки. Они были связаны с половой проблемой, которой он будет обязан своей славой. На третьем курсе он в Институте сравнительной анатомии и на морской станции в Триесте изучал половую систему угрей. Было неясно, есть ли у этих рыб мужские особи. Чтобы обнаружить яички у самцов, Фрейд вскрыл четыре сотни экземпляров. Окончательного решения не нашёл, зато опубликовал свою первую научную статью об этой работе.

В 1876 году Фрейд поступил в Физиологический институт профессора Эрнста Брюкке. Это решение во многом содействовало его становлению как исследователя и мыслителя. Он стал последователем «школы Гельмгольца».

Невролог Жан Мартин Шарко проводит сеанс гипноза с больной истерией. Париж, картина 1887 г.

«Это движение, – писал Г.К. Уэллс, – было основано четырьмя физиологами с мировым именем – Эмилем Дюбуа-Реймоном, Германом Гельмгольцем, Карлом Людвигом и Эрнстом Брюкке. Эти четыре человека посвятили себя непримиримой борьбе с витализмом, с его мистическими концепциями “жизненных сил”, “духов”, “сущностей”, “психических сил” и “энтелехий и его телеологическим толкованием биологической эволюции и роста. Данное движение… было по своему характеру атеистическим и материалистическим».

С лета 1879 года Фрейд год отбывал воинскую повинность. Как пишет его биограф М. Мосс: «Вынести этот год ему помогла работа над переводом четырех эссе из собрания сочинений Джона Стюарта Милля. Эти сочинения составили одну из пяти книг английского философа, которые будут переведены Фрейдом на немецкий язык». Однако вряд ли воинская служба была ему в тягость, если у него было достаточно свободного времени, чтобы переводить произведения Милля.

Два года спустя Фрейд окончил медицинский факультет и стал работать лаборантом. Надежды на карьерный рост у него были невелики. Пришлось перейти в Венский общий госпиталь врачом по внутренним болезням, хирургии, дерматологии. Через полгода он перешёл в Психиатрическую клинику.

По словам Г.К. Уэллса: «Работа в этой клинике была для него единственным за всю жизнь опытом строго психиатрической работы. Он возненавидел и больничные порядки, и лечение пациентов как по внутренним, так и по психическим заболеваниям. В результате он пришёл к выводу, что “просто не может быть врачом”».

Для него были привлекательнее кропотливые исследования с помощью микроскопа, чем практическая работа в больнице. Он продолжал в институте Брюкке изучать развитие спинного и головного мозга и опубликовал три статьи в неврологических журналах. С 1884 года стал исследовать воздействие кокаина и выяснил, что он может снимать усталость, смягчать депрессию, лечить от морфиновой зависимости. Он и сам принимал кокаин. Но вскоре выяснилось, что этот препарат тоже вызывает наркоманию.

В 1885 году он успешно прошёл конкурс на место приват-доцента по неврологии в Венском университете и прочёл первую лекцию: «Медуллярные (костномозговые) области головного мозга». Его кандидатуру горячо поддержал сам Брюкке.

Став приват-доцентом, он получил стипендию на заграничную поездку и четыре с половиной месяца стажировался в парижской клинике под руководством невролога Жана-

Мартина Шарко, который использовал гипноз при лечении психических заболеваний. Здесь Фрейд узнал, что многие психические болезни связаны с нарушениями в половой сфере. Тогда же он вдохновился идеей о громадном значении для человека неосознанных переживаний, впечатлений, а также сексуального влечения («либидо»).

Зигмунд Фрейд освоил несколько медицинских специальностей (в те времена это ещё практиковалось). Но всё определённей сказывалось прежнее увлечение философией: его наиболее интересовала близкая к ней область знаний – психология.

Судя по детским и юношеским амбициям Фрейда, в молодости у него была затаённая мечта о великих теоретических открытиях. Но для этого у него – да простят меня его поклонники за такое предположение! – не хватало творческого потенциала.

Такое предположение может показаться нелепым. Ведь он был начитан в разных областях знаний, имел немалый опыт как лабораторный исследователь, опубликовал несколько научных статей, в 29 лет стал приват-доцентом, всегда был отличным учеником.

Последнее обстоятельство, по моему мнению, затрудняло проявлять творческие способности. Он избрал традиционный путь «научного работника», но не новатора.

В отличие от него, скажем, Чарлз Дарвин прошёл великолепную научную школу самостоятельных исследований во время долгого кругосветного путешествия. Фрейду приходилось вести преимущественно рутинную «подсобную» лабораторную работу, которая вряд ли доставляла ему удовлетворение.

А ведь проблема развития нервной системы и головного мозга (цефализации) в теоретическом аспекте была и отчасти остаётся теперь слабо изученной. Она чрезвычайно интересна. Дарвин только обозначил её в своих трудах, понимая, что естественным отбором и борьбой за существование объяснить её невозможно.

Почему-то Зигмунд Фрейд не обратил внимания на загадку цефализации, хотя постановка перспективной проблемы в науке является первым решающим шагом к открытию. Усложнение организации животных за последние миллиарды лет – одна из главных тайн земной природы. И тот, кого некогда вдохновила поэма Гёте «Природа», мог бы попытаться осмыслить её.

Другое направление – физиология нервной системы. Но и тут проявил свой талант Иван Петрович Павлов, а не Зигмунд Фрейд.

В поздние годы Фрейд перешёл к широким обобщениям и попытался основать метапсихологию. Однако результат был, мягко говоря, не блестящим; это обобщение нельзя даже назвать научным, ибо оно во многом противоречит фактам. В истории науки оно сохранилось в виде казуса, а не как основа дальнейших плодотворных исследований.

Возможно, Фрейд слишком заботился о том, чтобы материально обеспечить себя и будущую семью. В отличие от него, Альфред Эйнштейн, работая клерком в патентном бюро, в свободное время создал выдающиеся теории. А был он моложе Фрейда и менее обеспеченным…

Впрочем, в те годы Фрейд начал писать книги по невропатологии, а затем и по анатомии мозга, хотя так их и не окончил.

По возвращении из Парижа в Вену он стал директором неврологической клиники в Институте детских болезней. «Следующие пять лет, – пишет Г.К. Уэллс, – он провёл в заботах о семье и в занятиях профессиональной работой», опубликовав только одну статью. Затем его заинтересовала проблемой потери речи; он написал книгу «Афазия» (1891) и опубликовал несколько статей о мозговом параличе у детей.

Зигмунд Фрейд стал известным неврологом и… от физиологии переключился на психиатрию. Она предоставляла возможность неплохого заработка: по мере развития европейской цивилизации среди состоятельных граждан неуклонно росло количество психических расстройств, неврозов.

В 35-й год рождения сына Зигмунда Якоб Фрейд подарил ему Ветхий Завет, написав:

«Мой дорогой сын,

Именно на седьмом году твоей жизни Дух Божий начал снисходить на тебя в изучение (познании). Я сказал бы, Дух Божий говорит тебе:

“Читайте в моей Книге; там будет открыт источник познания и ума ”. Это – Книга книг; …Ты видел в этой Книге Око Всемогущего, ты слушал охотно, ты пробовал лететь высоко на крыльях Духа Святого. С тех пор я сохранил ту самую Библию. Теперь… я посылаю её тебе как символ любви от твоего старого отца».

Лавры и тернии

Весной 1886 года Зигмунд Фрейд женился на Марте Бер-найс. В своей квартире он отвёл одну комнату для приёма больных и стал частным практикующим врачом как специалист по нервным болезням.

Первые опыты лечения лекарственными средствами и физиотерапией приносили пациентам мало пользы. Не зная, каковы причины заболеваний, он действовал вслепую, методом проб и ошибок.

Как добиться успеха? Один из путей подсказала книга И. Бернгейма «Внушение и его применение в терапии». Фрейд испытал гипнотическое внушение на нескольких пациентах, и в некоторых случаях излечение было моментальным!

Как обычно бывает в подобных случаях, люди восхищаются врачом-чудотворцем, не учитывая отрицательных результатов. Слухи о целителе Зигмунде Фрейде распространились по Вене. От пациентов не стало отбоя. А вот с излечениями всё чаще происходили сбои. Не все поддавались гипнозу, а улучшение здоровья нередко было временным.

И тут он вспомнил о случае, рассказанном ему терапевтом Иосифом Брейером. У него была молодая симпатичная пациентка, которую он назвал «Анной О.», страдавшая частичным параличом конечностей, расстройством слуха и зрения, трудностями с перевариванием пищи, нервным кашлем, временным помрачением рассудка.

Лечение продолжалось два года. Гипнотическое внушение не привело к успеху до тех пор, пока она не рассказала, при каких обстоятельствах у неё появились первые симптомы болезни. Это была душевная травма, о которой она стыдилась признаться даже себе: в детстве у постели больного отца она испытывала к нему половое влечение.

Раскрыв эту тайну, она почувствовала себя значительно лучше. Такой «исповедальный» метод действовал всё успешней. Но постепенно её чувство привязанности стало переходить на врача. Из-за конфликта с женой он вынужден был прекратить лечение. Но теперь больная сама с помощью таких воспоминаний стала избавляться от своих недугов.

Зигмунд Фрейд с женой

Брейер сделал вывод: истерия может излечиваться с помощью воспоминания о психической травме, переживания, душевной разрядки, *катарсиса* (от греческого слова, обозначающего – «разрядка»). Узнав об этом, Фрейд начал использовать беседы с пациентами – не только расспросы под гипнозом – для выяснения причин неврозов.

Через десятилетие, читая лекцию в США, он назвал Иосифа Брейера истинным отцом психоанализа. Правда, позже уточнил: это относится только к методу катарсиса, «а началом самого психоанализа считать тот момент, когда я, отбросив гипнотическую технику, ввёл метод свободных ассоциаций».

Фрейд и Брейер в 1895 году опубликовали совместную работу «Очерки по истерии», где упоминалось о связи неврозов с подавленными влечениями, оставшимися вне сознания человека. Но вскоре их дружба прервалась из-за идейных расхождений: Фрейд утверждал, что в основе психических расстройств лежат сексуальные переживания, с чем его соавтор категорически не соглашался.

Судя по всему, в конкретном случае с Анной О. было именно так, как предполагал Фрейд. При частых гипнотических сеансах и собеседованиях между психиатром и пациенткой возникает взаимная симпатия, порой переходящая в любовь.

От коллег ему довелось услышать мнение, что у некоторых пациенток психические расстройства вызваны сексуальной неудовлетворённостью. Так, у одной из них муж был импотент, а потому помочь ей, как сказал доктор, можно только способом, который нельзя прописать в виде рецепта. Фрейд сделал вывод: «Неврозы возникают там, где в силу внешних или внутренних препятствий нет реального удовлетворения эротическим потребностям».

Эта формулировка вызвала резкие протесты со стороны многих специалистов. С ними можно согласиться в одном: почему речь идёт только об эротических потребностях, словно никаких других нет или ими можно пренебречь? Хотя, безусловно, некоторые неврозы вызваны именно той причиной, которую назвал Фрейд.

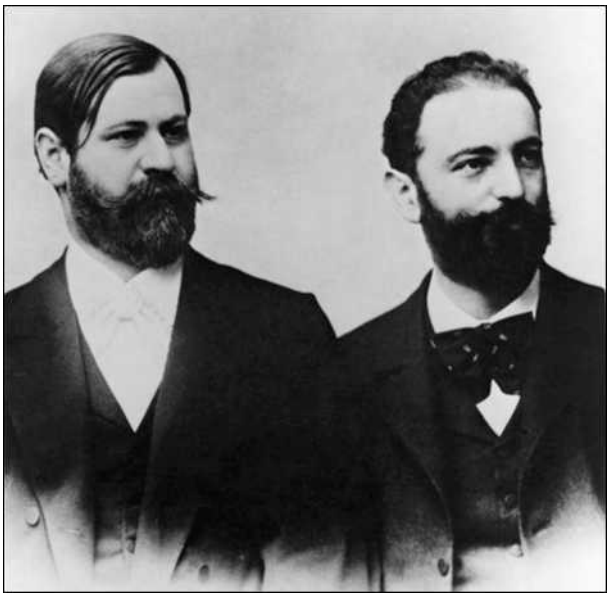
В те же годы он подружился с берлинским врачом Вильгельмом Флиссом, который исследовал детскую сексуальность и рассматривал анекдоты и шутки как источник ценных сведений для психолога. В дальнейшем Фрейд использовал эти идеи в своей системе психоанализа.

Можно сказать, что учёный осуществлял «психосинтез» разных идей для создания своего учения. Это естественно и похвально. Беда лишь в том, что учёный философского склада ума начинает выстраивать теорию, подбирая разные сведения в её пользу и мало обращая внимания на факты, ей противоречащие.

Во время интимных бесед с пациентами Фрейд старался путём свободных ассоциаций выяснить причины их недугов, используя свой метод психоанализа. Он пришёл к выводу: у животных сексуальность естественна, а у людей подавлена социумом, нравственными запретами. Эти эмоции, желания вытесняются в область бессознательного. Они становятся «темными демонами» души, вызывая психические аномалии. Этот заряд «психической энергии» разряжается, в частности, методом катарсиса.

По его идее, механизм истерии связан с детской сексуальной травмой при вытеснении в область бессознательного воспоминания о ней. Надо «направить внимание пациента, ведя его от этого симптома к обстановке, в которой и посредством которой он возник… После того как травмирующая обстановка воспроизведена, мы переходим к исправлению первоначальной психической реакции и, таким образом, к устранению симптома».

По словам Г.К. Уэллса: «Фрейд притязал на большой успех этой аналитической и терапевтической процедуры. В ряде статей он возвестил наступление совершенно новой эпохи в исследовании и лечении истерии. Он с негодованием отвергал часто повторяющиеся обвинения, что он навязывает свои построения пациентам....



З. Фрейд и В. Флисс

Фрейд заполнял страницы за страницами аргументами в защиту реальности своих конструкций, связанных с детской сексуальностью. Оскорбления, которыми его поносили за его теории, заполнили бы тома. Как газеты, так и специальные журналы присоединились к всеобщему осуждению того, что они считали "чудовищными" взглядами на детство…

В обстановке всеобщей вражды Фрейд в течение нескольких лет продолжал проповедовать свои открытия как великое откровение».

Такое упорство в отстаивании своей теории заслуживает уважения. Но есть в этом и неприятный оттенок веры в свою непогрешимость, отсутствие умения отвлечься от личных пристрастий ради поисков истины в разных направлениях, а не только идя по намеченной дорожке.

Немногие временные успехи нового метода обернулись полным фиаско. Позже Фрейд написал в автобиографии: «Под давлением технической процедуры, которой я пользовался в то время, большинство моих пациентов воспроизводили из своего детства сцены, в которых они оказывались сексуально развращёнными кем-нибудь из взрослых… Я верил этим рассказам и вследствие этого предположил, что раскрыл корни последующего невроза в этих переживаниях полового совращения в детстве… Однако, когда я вынужден был признать, что эти сцены совращения никогда не имели места и что они представляли собой лишь выдумки, созданные моими пациентами, или фантазии, может быть навязанные мною самим, я в течение некоторого времени был совершенно растерян».

И хотя крах своей теории он пережил в 1897 году, прошло восемь лет, прежде чем он в этом публично признался. Лишь своему другу Вильгельму Флиссу в письме от 21 сентября 1897 года сообщил: «Я больше не верю в мою *невротику».* От его услуг отказалось много пациентов, ожидаемого успеха не было, а немногие случаи излечения можно было объяснить «обычными способами».

И неожиданное признание: «Любопытно, что я ничуть не чувствую себя несчастным, хотя обстоятельства, казалось бы, требуют этого… но, между нами говоря, у меня чувство скорее победы, чем поражения, которого не должно бы быть».

Он старался убедить себя, что ничего страшного не произошло. В других письмах тому же адресату сообщил: «После краткого промежутка хорошего настроения у меня теперь припадки уныния. Главный пациент, которым я занят, – я сам». «Некоторые печальные тайны жизни выслежены до первых корней… Есть дни, когда я брожу подавленный, потому что

ничего не понял из сновидений, фантазий или настроений дня, и есть другие дни, когда вспышка молнии вносит связь в картину и то, что было прежде, раскрывается как приготовление к настоящему». «Под влиянием анализа моё сердечное беспокойство теперь часто заменяется беспокойством желудочным».

Анализируя свои сновидения, он пришёл к выводу, что маленьким ребёнком испытал сексуальную любовь к матери, которую иногда видел раздетой, ревность к отцу и новорожденной сестре, которой желал смерти. Всё это вызывало у него чувство вины, в особенности когда сестра умерла.

В своих прежних переживаниях он стал находить много мерзкого, написав Вильгельму Флиссу: «Грубо говоря, подобное воспоминание воняет так же, как может вонять настоящий предмет; и точно так же, как мы отворачиваем наш орган чувств – голову и нос – с омерзением, так наше пред-сознательное и сознательное отворачивается от воспоминания. *Это есть вытеснение».* И ещё: «Мне трудно рассказать тебе, сколько вещей я – новый Мидас – обратил в грязь. Это вполне гармонизирует с теорией внутреннего зловония».

Согласно легенде, царь Мидас, чтобы насытить свою жажду богатства, просил бога Диониса, чтобы всё, к чему он прикоснётся, превращалось в золото. Но так происходило и с пищей; Мидас едва не умер с голода и вскоре отказался от этого дара.

Занимаясь самоанализом, Фрейд в потёмках своей души выискивал зловонные уголки, вычищая их и перенося на свет сознания. Такая процедура, на мой взгляд, может принести самоудовлетворение, не более того. Тут всё зависит от склада личности. Один, осознав такие мерзости, придёт в ужас и возненавидит себя. Другой испытает удовлетворение от своей проницательности и откровенности. Подобный тип личности был, по-видимому, у Фрейда, и ему этот метод помог.

… Недоброй памяти Никита Хрущёв когда-то припомнил поговорку: «своё дерьмо малиной пахнет» (к нему это имело прямое отношение, хотя он так сказал не о себе). Вот и Зигмунд Фрейд без брезгливости, как положено врачу, препарировал свои реальные или воображаемые мерзости детских переживаний. И наконец-то, как ему показалось, наткнулся на «золотую жилу» (тут уже прямая аналогия с Мидасом):

«Только одна идея общезначимой ценности встретилась мне, – я обнаружил любовь к матери и ревность к отцу также и в моём собственном случае и теперь уверен, что это – всеобщий феномен раннего детства… Если положение таково, то захватывающая власть Царя Эдипа (имеется в виду трагедия

Софокла. – *Р.Б.),* несмотря на все рациональные возражения против неумолимой судьбы, которая постулируется в этом изложении, становится понятной… Греческий миф показывает могучую силу, которую каждый узнаёт, потому что он чувствует её следы в себе самом. Каждый представитель аудитории был когда-то в фантазии зачаточным Эдипом, и исполнение этой мечты, разыгранной в действительности, заставляет любого в ужасе отшатнуться, с полной мерой вытеснения, которая отдаляет его детское состояние от настоящего».

Столь изощрённое, если не сказать извращённое толкование трагедии позволило ему личные переживания представить как всечеловеческие, типа первородного греха. Этим он снимал с себя ответственность за свои действительные или мнимые детские сексуальные страсти.

Ему требовалось избавиться от моральной травмы. Такой была его подсознательная установка. Избавлением стала придуманная им система психоанализа и Эдипов комплекс. Возможно, в этом одна из причин устойчивой веры Фрейда в истинность его теории.

И у психологов есть особенности психики, включая неврозы, фобии, бессознательные установки. Интеллект у них не подобен «разумной машине», а тесно связан с эмоциональной сферой, структурой личности. Эта доля субъективности может быть существенной, как

у Фрейда, и незначительной, как, например, у И.П. Павлова, который полагался на эксперименты, а не на гипотезы.

На первых этапах исследований гипотезы необходимы. Они помогают организовать материал и вести поиски в определённых направлениях, а не на удачу. У исследователя возникает искушение: выбрать идею, которая ему представляется наилучшей, и собирать факты, её подтверждающие.

По-видимому, когда Фрейда в «тяжёлые годы анализа» угнетало чувство неуверенности в своих возможностях, он не стал затягивать мучительный период неопределённости, поступив именно так. Это позволило избежать излишних сомнении и проверок, направив усилия на доказательства теории психоанализа. Его обширные знания стали залогом успеха.

Популярность

Разочарование Фрейда в своих первых теориях и самоанализ можно было бы представить как мучительные поиски истины. Но это не будет соответствовать действительности. Он признался в письме Флиссу о своих целях:

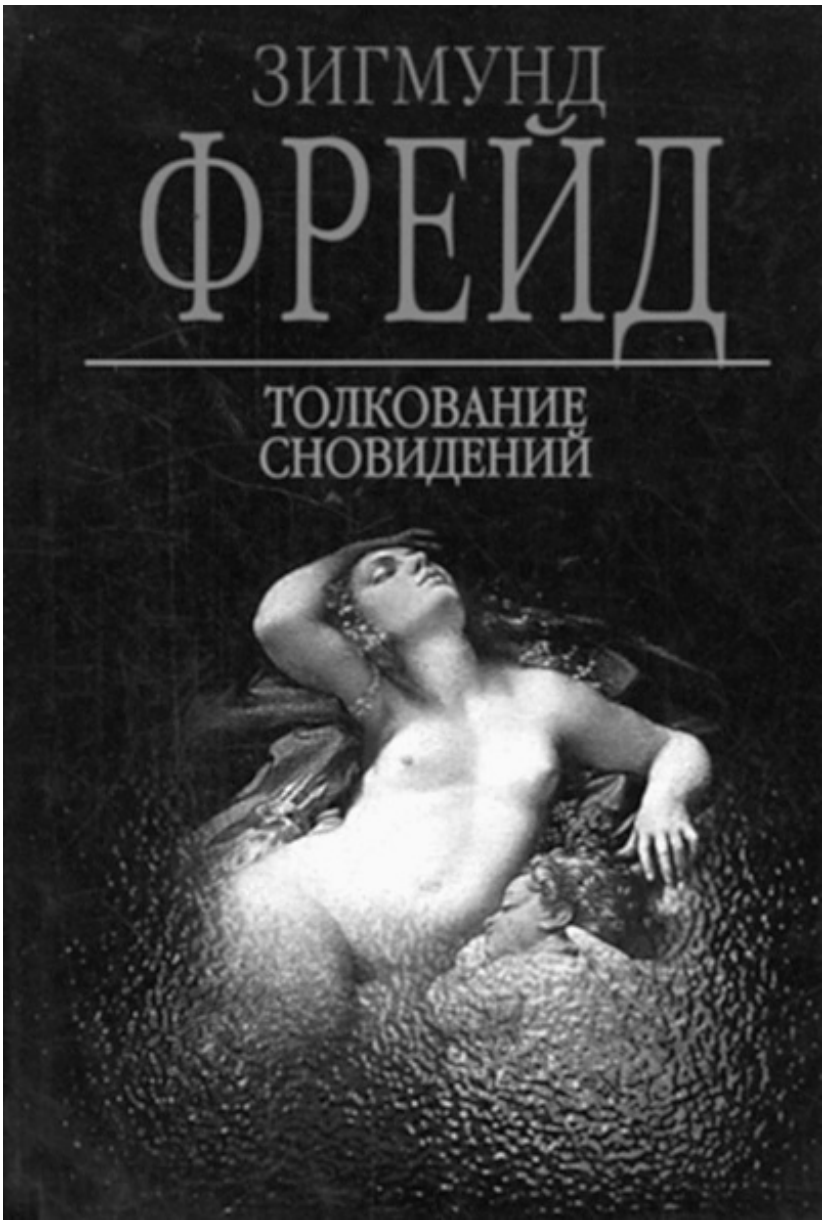
«Надежда на вечную славу была так же прекрасна, как и надежда на несомненное богатство, полную независимость, возможность совершать путешествия и спасение детей из страны тревог, которые испортили мою юность. Всё это зависело от того, преуспеет ли моя истерия (невротика) или нет…

В общем крушении только психология сохранила свою ценность. Сновидения по-прежнему стоят прочно, и моя оценка начинаний в метапсихологии повышается. Жалко, что невозможно прожить, например, занимаясь толкованием сновидений».

Это была вторая поистине «золотая жила», разработка которой сделала его богатым и знаменитым.

В 1900 году он опубликовал книгу «Толкование сновидений», которая стала популярной не только у читателей, но и части профессионалов. Через два года у него появились первые ученики и последователи.

«Толкование сновидений, – вспоминал он, – стало для меня утешением и поддержкой в те тяжёлые первые годы анализа, когда я должен был осилить в одно и то же время технику, клинику и терапию неврозов. Я был совершенно одинок и часто боялся утратить способность ориентироваться и уверенность в себе среди путаницы возникающих и нагромождающихся трудностей».


ЗИГМУНД
ФРЕЙД
ТОЛКОВАНИЕ
СНОВИДЕНИЙ

Обложки книг З. Фрейда

М. Мосс пишет: «Будучи более краткой, нежели последующие издания, первая опубликованная редакция “Толкования сновидений” проводит различение между явным и скрытым содержанием сна – различение, которое служит объяснению искажений и конфликтов, воплощаемых и маскируемых в наших сновидениях. Здесь также описывается “Эдипов комплекс”, подчеркивается значимость младенчества для взрослой жизни, возводится эпистемологический (на основе теории познания. – *Р.Б.)* фундамент для веры в существование бессознательного, подход к которому осуществляется через сновидение. По словам самого Фрейда, толкование сновидений – это via regio, или царская дорога, к пониманию бессознательного. Все эти понятия иллюстрировались и углублялись в его последующих сочинениях.

В первых шести главах Фрейд излагает общую теорию сновидений, рекомендации по трактовке самых разнообразных сновидений, а также результаты других исследователей. Он даёт обзор существующей литературы о сновидениях, включая философские трактаты и психологические монографии. Находя эти сочинения скучными, Фрейд всё-таки заставил себя их проработать во избежание упреков в ненаучности или игнорировании важного мате-

риала. Седьмая глава, узко специальная и философская, посвящена теории сознания. В 1909 году, когда начали получать признание другие теории и концепции Фрейда, вышло второе издание книги. В целом, при жизни вышло девять её изданий, последнее из которых увидело свет в 1919 году».

С книги «Толкование сновидений» началась отчасти скандальная популярность идей Зигмунда Фрейда. Выбор темы и заглавие работы в немалой степени содействовали этому. Люди с древних времён старались постичь потаённый смысл образов и сюжетов, увиденных во сне, придавая им мистическое значение.

Мысль о связи сновидений с областью бессознательного в те годы не была нова. До рождения Зигмунда Фрейда писатель Оноре Бальзак в философской повести «Луи Ламбер» писал: «Как это люди до сих пор так мало раздумывали о содержании наших снов, свидетельствующем о наличии двойной жизни в человеке? Разве в этом явлении не заключена целая новая наука?.. Оно по меньшей мере подтверждает факт постоянного разрыва между двумя сторонами нашей природы. Я в конце концов вынес из этого убеждение в преимущественной мощи скрытых наших чувств над явными».

Идей на этот счёт было высказано немало, толкованием сновидений люди занимались со времён шаманов. Фрейд попытался на основе науки организовать эту загадочную область знаний, преимущественно мистических.

Новаторство? Его почитатели в этом уверены. Австрийский писатель Стефан Цвейг утверждал: «Только с появлением Фрейда – по прошествии двух-трёх тысячелетий (со времён Античности. – *Р.Б.)* – сновидение получает опять объективную ценность, как некий указующий на судьбу человека акт. Там, где другие видели только хаос, беспорядочное движение, глубинная психология вновь постигает закономерное действие сил; то, что казалось её предшественникам запутанным лабиринтом без выхода и без смысла, представляется ей… центральной дорогой, связывающей подсознательную жизнь с сознательной».

Писатель не обязан знать историю научных и философских идей. Но и Фрейд умолчал о своём прямом предшественнике в научном анализе сновидений. Это был немецкий философ и психолог Карл дю Прель. В 1884 году он опубликовал книгу «Философия мистики, или Двойственность человеческого существа». В предисловии он задал вопрос: «Содержится ли в нашем самосознании всё наше я?». И ответил: «Анализ жизни человека во сне приводит к отрицательному ответу на этот вопрос; он показывает, что наше самосознание не обнимает всего объекта, что наше *я* больше нашего самосознания».

В главе «О научном значении сновидений» он писал: «Образы сновидений приходят к нам из области бессознательного; во время сна бессознательное делается отчасти сознательным, и наоборот, исчезает сознаваемое нами во время бодрствования».

Работа Дю Преля была вскоре переведена на русский язык. Этот автор был популярен, и его книгу Фрейд, по-видимому, внимательно читал.

Сам по себе факт заимствования идей оправдан. Надо лишь ссылаться на своих предшественников, а историкам и популяризаторам не следует приписывать те или иные открытия тем, кто их не совершал.

В конце 1908 года Зигмунд Фрейд прочёл лекции по психоанализу в Университете Кларка (у нас назвали бы – «имени Кларка») штата Массачусетс (США). Отзывы были преимущественно положительные. На следующий год его вместе с учеником Карлом Юнгом вновь пригласили с лекциями в эту страну.

«Мы нашли к нашему большому удивлению, – вспоминал Фрейд, – что свободные от предрассудков представители этого маленького, но уважаемого педагогически-философского университета были знакомы со всеми психоаналитическими трудами и знакомили с ними на своих лекциях слушателей.

В такой чопорной Америке можно было, по крайней мере, в академических кругах свободно говорить и обсуждать то, что в жизни считается предосудительным…

Мы были вознаграждены почётным титулом Z. Z. D. (докторов обоих прав)». Лекции прошли с успехом. На них присутствовал, в частности, невропатолог Джемс Патнем, ставший одним из убеждённых сторонников психоанализа. «Позднее Патнем, – писал Фрейд, – слишком подчиняясь высоким этическим и философским запросам своей натуры, предъявил к психоанализу, как я думаю, невыполнимое требование – именно, чтобы он служил определённому нравственно-философскому миросозерцанию».

С позиций высокой «надчеловеческой» истины, быть может, не следует заботиться о нравственном аспекте психологической теории. Но, во-первых, у Фрейда речь идёт о проблемах, имеющих отношение не только к отдельной личности, но и к обществу. В таком случае есть все основания требовать, чтобы учение отвечало «высоким этическим и философским запросам».

Во-вторых, учение Фрейда о структуре личности, её патологиях и духовной жизни общества вовсе не безупречно с позиций науки. Оно вызывает серьёзные сомнения из-за пренебрежения к фактам, свидетельствующим не в её пользу.

В-третьих, психоанализ – не только теоретическая конструкция, для которой нравственный критерий может отойти на второй план, а руководство к действию, метод проникновения в душу пациента, воздействия на его психику.

О том, насколько важно соотнесение идей, скажем, Фридриха Ницше о человеке с нравственно-философским миросозерцанием, Фрейд испытал на собственном трагическом опыте, когда в Австрии, присоединённой к Германскому Рейху, восторжествовал нацизм.

Небрежное отношение Фрейда к нравственной стороне своего учения проявилось в словах, сказанных им Юнгу после того, как их лекции по психоанализу в Университете

Кларка вызвали воодушевление у американцев: «Эти люди не подозревают, что я принёс им чуму».

Неужели он сознавал, что психоанализ недостаточно проверен на практике и не отвечает критерию научности? Как человек умный и образованный он должен был в этом убедиться за десятилетие, которое посвятил применению и распространению своего учения. Однако успех заставил его оставить сомнения или, во всяком случае, не упоминать о них.

С тех пор он, помимо медицинской практики, читал лекции и писал научные работы. В них продолжал настойчиво пропагандировать свой метод, приводя как доказательства случаи с отдельными пациентами.

В статье «Леонардо да Винчи и воспоминания его детства» он выбрал тему заведомо интересную для многих читателей, но столь же сомнительную в научном плане: его анализ психических особенностей одного из титанов Возрождения нельзя опровергнуть уже потому, что невозможно проверить.

Как писал автор солидной биографии Леонардо да Винчи советский историк Л.М. Баткин: «Истолкование личности Леонардо, данное З. Фрейдом, малоубедительно не только ввиду общеметодологических причин, но и просто фактически, из-за чрезмерного количества произвольных допущений и натяжек, к которым был вынужден прибегать знаменитый австрийский психиатр».

Не исключено, что Фрейд специально выбрал знаменитую и во многом загадочную фигуру, чтобы вызвать общественный резонанс, дискуссии, пусть даже резкие опровержения. Был ли это рекламный приём, или Фрейд как всякий увлечённый своими идеями автор испытывал свой метод на загадочной в психологическом аспекте исторической личности? Если вспомнить, как он отозвался в США о тех, кто «заразился» его идеями, то второй вариант кажется предпочтительней.

Пропагандируя свой метод, Фрейд действовал преимущественно методом внушения, а не убеждения. И это ему удавалось неплохо.

На Западе начало XX века было благоприятным периодом для распространения шокирующих идей. Такова была реакция духовной сферы на механизацию общественной жизни, вторжение техники, стремительный рост промышленности, давления материальной среды.

В Европе и Северной Америке распространилась вера в оккультизм и ясновидение, спиритизм и парапсихологию, астрологию и Космический Разум. В искусстве появилось множество мелких авангардных течений, включая абстракционизм. Подобное брожение умов обычно предшествует острым социально-политическим конфликтам.

Мировая война усугубила психические аномалии в обществе. Для психоанализа наступили прекрасные времена. Фрейд добавил в своё учение идею о влечении к смерти (Танатосу, как её называли древние греки) и врождённой агрессивности человека. Он придал наукоподобие афоризму, завершающему стихотворение Фридриха Шиллера «Мировая мудрость»:

Любовь и голод правят Миром.

После 1919 года нападки на психоанализ поутихли, популярность этого метода росла, психоаналитики стали неплохо зарабатывать, отчасти вытесняя из этого бизнеса оккультистов, парапсихологов. Книги Фрейда имели успех. Он перешёл к философским обобщениям, на свой лад излагая основы духовной жизни общества в работах «Психология масс и анализ человеческого Я» (1921), «Я и Оно» (1923); «посягнул» и на философию религии: «Будущее одной иллюзии» (1927), «Моисей и единобожие» (1939).

До Второй мировой войны учение Фрейда пережило необычайный подъём в одних странах, и резкий упадок в других. В СССР оно сначала пользовалось успехом, а затем было заклеймено как проявление тлетворной буржуазной культуры (в такой формулировке была немалая доля истины).

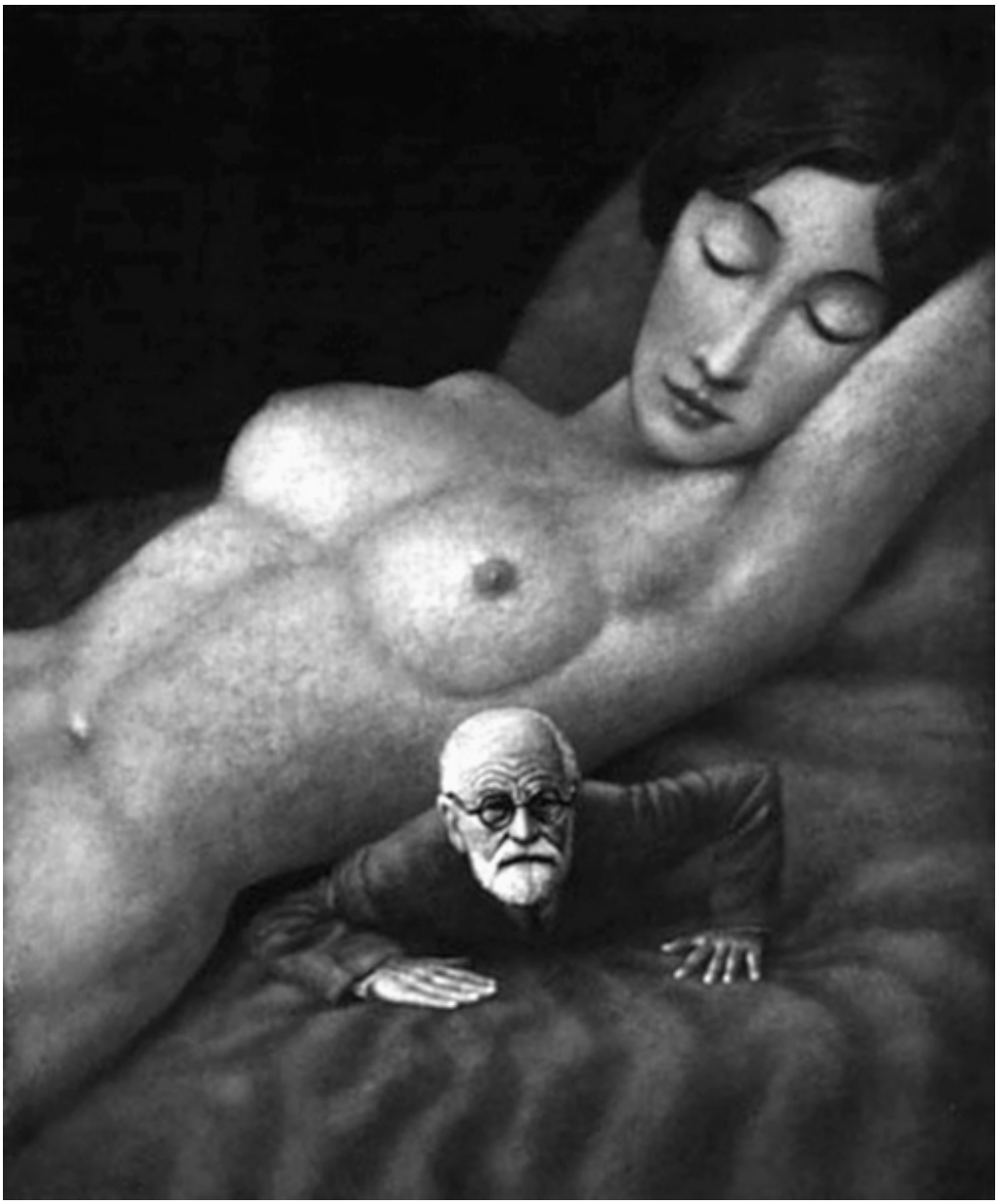
Распространение в Западной Европе фашизма и нацизма застало Фрейда в Вене. Его имущество было арестовано; он стал узником еврейского гетто. Его выкупили за крупную сумму друзья и поклонники. Он поселился в Лондоне. В последние годы его мучил рак горла, он перенёс несколько операций, перестал практиковать, но продолжал писать книги. Умер он 23 сентября 1939 года.

Зигмунд Фрейд в зените славы

…Идеи, в отличие от их создателей, обретают бессмертие, если они сохраняются в истории культуры. Так произошло с учением Зигмунда Фрейда. Оно продолжает пребывать в общественном сознании, сочинения его переиздаются и читаются с немалым интересом. В практике используются разные виды психоанализа, отчасти модифицированные по сравнению с первоначальными приёмами.

Означает ли это, что идеи Фрейда верны? Почему, несмотря на критику, они не сданы в архив? Разве не практика – критерий истины?

На эти вопросы нам предстоит ответить. Остаётся, конечно, и другая цель: хотелось бы понять, что происходит в духовной сфере личности и общества в наше время?



Глава 2
Остроумие и его отношение к сознанию

Ученики. Зангези! Что-нибудь земное! Довольно неба! Грянь «камаринскую»! Мыслитель, скажи что-нибудь весёленькое. Толпа хочет весёлого. Что поделаешь – время послеобеденное.
Велемир Хлебников

Скучно о смешном

Некоторым поклонникам Зигмунда Фрейда нравится его стиль. Вот что писал Стефан Цвейг:

«По сравнению с головокружительною прозой Ницше, рассыпающейся самыми отчаянными фейерверками искусства и художества, его проза кажется на первый взгляд трезвой, холодной и бесцветной. Фрейдовская проза не агитирует, не вербует приверженцев; она полностью отказывается от всякого музыкального ритма (к музыке, как он сам признаётся, у него нет никакой внутренней склонности – очевидно, в понимании Платона, обвиняющего музыку в том, что она вносит расстройство в чистое мышление)…

Ясность для него, как во всех человеческих отношениях, так и в области словесного выражения, – первое и последнее; этой максимальной озарённости и отчётливости он подчиняет, как нечто второстепенное, все художественные достоинства; единственно в результате достигаемой таким путём алмазной твёрдости очертаний, его проза обретает свою несравненную vis plastica» (пластическую силу).

Цвейг прибегает к оборотам речи, наивные красивости которых свидетельствуют о преобладании эмоций над логикой: «Некоторые образные формулировки Фрейда имеют в себе нечто от прозрачной чёткости резных камней, и в составе его безупречно-ясной прозы они действуют как оправленные в тяжёлый хрусталь камеи, незабываемые каждая в отдельности».

Выходит, что в прозе, которая на первый взгляд холодная и тусклая, вдруг возникают блестящие высказывания. Признаться, читая работы Фрейда, я не находил его прозу бесцветной уже потому, что старался вникнуть в мысли, рассуждения автора, не обращая внимания на деловой стиль, характерный для научных сочинений.

Блеска стиля или остроумия не удалось мне заметить в его объёмистом исследовании «Остроумие и его отношение к бессознательному» (это, конечно, не означает, что все его работы написаны так, хотя остроумия в них обнаружить трудно).

Автор сразу же показал, что шутить не намерен, начиная трактат: «А. Аналитическая часть». И привёл краткий обзор представлений разных авторов. Завершил его высказываниями двух авторов:

«Острота говорит то, что она говорит, не всегда мало, но всегда слишком немногими словами, т.е. словами, которые согласно строгой логике или обычному образу мышления и речи недостаточны для этого. Она может, наконец, попросту сказать кое-что, умалчивая об этом» (Т. Липпс). «Остроумие должно выхватывать нечто спрятанное или скрытое» (К. Фишер).

Короче говоря, остроумие предполагает краткость, неожиданность и точность попадания мысли в цель. Это не удар дубиной, а укол иглой или шпагой. Хотя в некоторых случаях пошлая шутка подобна щекотке. Надо иметь в виду не только автора шутки, но и её потреби-

телей. Многие смеются над остротой, радуясь: вот какой я сообразительный! Каждый считает себя умным и готов убеждаться в этом на любых примерах.

Качество остроумия бывает разным: игра слов, подмена смыслов, приведение к абсурду, непристойный намёк в деликатной форме… Наиболее ценные остроты умны, но они сравнительно редки. Обычно их относят в разряд афоризмов или парадоксов.

Из философов остроумными были, в частности, Шопенгауэр и Ницше. Они высказывали неординарные мысли. Найти остроумные высказывания самого Зигмунда Фрейда чрезвычайно трудно. Тем более интересна его оценка этого качество ума, которым сам не был наделён в полной мере.

Анализируя технику остроумия, Фрейд на нескольких страницах утомительно разбирает, разжёвывает цитату из «Путевых картин» Генриха Гейне. Некто Гирш-Гиацинт из Гамбурга хвастает, что сидел рядом с бароном Соломоном Ротшильдом, который обращался с ним запросто, «совершенно *фимиллионьярно».*

По-видимому, это была либо бессознательная оговорка, либо искажённое понимание смысла слова «фамильярно» (бесцеремонный, непринуждённый, развязный), которое в данной форме призвано показать, что миллионер обращался с этим человеком на равных. Игра слов подчёркивает неравенство: миллионер нисходит до непринуждённого разговора с обывателем, который испытывает удовольствие от общения со столь важной персоной.

Расчленяя эту остроту на части в поисках «рационального зерна», Фрейд уподобляется ребёнку, ломающего игрушку, чтобы узнать, что у неё внутри. Приходит к выводу простому, очевидному, но выраженному как бы в научной форме: «Мы можем описать процесс образования остроты, т.е. технику остроумия в этом случае как *сгущение с заместительным образованием;* и действительно, в нашем случае заместительное образование состоит в создании *смешанного слова».*

Большинство острот, основанных на игре слов, просты и рассчитаны на определённое время и место, а потому трудно переводимы на другой язык. Среди них бывают и первосортные. Например, о человеке незаслуженно прославляемом: «Это одна из четырёх его ахиллесовых пят». Иначе говоря: хоть он и знаменит, но всё-таки порядочная скотина (отметим двойной смысл слова «порядочная»).

С какой целью Фрейд долго и тривиально разбирает технику остроумия? Он сослался на свою книгу «Толкование сновидений»: «Как часть работы сна я описал процесс сгущения, который обнаруживает величайшее сходство с процессом сгущения в технике остроумия».

Сказано не о простом сходстве, а о величайшем. И ещё: «Мы не можем сомневаться, что как в одном, так и в другом случае мы имеем перед собой один и тот же психический процесс, который мы узнаём по идентичным результатам».

Автор явно старается нас убедить в своём выводе, предлагая не сомневаться, хотя сходство, о котором он говорит, не доказано. Вспоминая свои сны, приходишь к противоположному мнению: в них чрезвычайно редки остроумные сочетания образов или слов.

Вопреки мнению Стефана Цвейга, приведённому выше, Фрейд не обременяет себя необходимостью основательно доказать свою гипотезу. Он ссылается на отдельные факты, её подтверждающие, не учитывая нимало других, ей не соответствующих или даже её опровергающих.

Можно ли по «идентичным результатам» делать вывод, что перед нами один и тот же психический процесс? Да, но далеко не всегда. Смех можно вызвать остроумной шуткой, глупостью или щекоткой. Слёзы появляются от горя и от смеха, от насморка и от пыли.

Весьма натянутой выглядит аналогия между «процессом сгущения» во сне и в технике остроумия. Сновидение – мнимая реальность со своими изменчивыми координатами: время в нём может сгуститься или растянуться; происходят переходы из одного пространства в другое.

При чём тут краткость остроумной мысли, которую можно считать сгущением? Назовём тем же словом соединение в сновидении образов, событий. Разве в результате будет доказана идентичность этих разных явлений? В своём воображении, так же, как в сновидении, мы способны соединять отдалённые в пространстве и времени образы, события.

Один современный писатель вообразил принимающих парад 7 ноября на Мавзолее Ленина царя Николая II рядом с И.В. Сталиным. Явное сгущение! Образ неожиданный, остроумный, хотя и нелепый. У одних он вызовет усмешку, у других умиление, а у третьих – недоумение. Подобных примеров множество.

В прошлую ночь я видел сон: стою в Москве на остановке автобуса, маршрут которого «Минск – Солигорск». Внутри автобус современного вида, но обширнее. Полнейшее сгущение пространства и времени. Одновременно прошлое (когда-то я руководил Солигорской экспедицией) и настоящее, Москва и Минск – всё сразу. Ничего особенного! Из подсознания выплыли эти образы потому, что в эти дни много говорилось о конфликте между комбинатами «Уралкалий» и Солигорским «Беларускалием».

В сновидениях и наяву, в обычных разговорах и в остроумных высказываниях (так же, как в глупых) может присутствовать то, что назвал Фрейд «процессом сгущения», якобы характерным только для остроумия и сновидений. А в земной коре из-за тектонических и эрозионных сил смыкаются пласты горных пород геологических эпох, разделённых сотнями мил-лионолетий. Тоже – «сгущение» в пространстве и времени…

Связывая сновидения с остроумием, полезно вспомнить две эпиграммы древнего грека Лукиллия (I век):

Скряге Гермону приснилось,
что он израсходовал много.
Из сожаленья о том утром повесился он.
<…>
Раз увидал Диофант Гермогена-врача
в сновиденьях —
И не проснулся уже, хоть и носил амулет.

В чём их эффект? В первом высмеивается чрезмерная скупость, во втором – бездарный врач. Сказывается резкий контраст между эпическим «высоким» стилем и обыденным содержанием. Приём нехитрый: приведение к абсурду, нелепости. Расчет на то, что читатель, не любя скряг и плохих врачей, с удовольствием посмеётся над ними.

Предмет исследования, который лёг в основу данной кни -ги Фрейда, значительно сложней и во многом интересней, чем та мысль, которую он обозначил в заглавии: остроумие и его отношение к бессознательному. Для того, чтобы доказать этот тезис, он и отметил «величайшее сходство с процессом сгущения в технике остроумия».

О том, что сновидения связаны с областью бессознательного, писали многие и до Фрейда. Оригинальность его взгляда в том, что виртуальные образы, увиденные во сне, он произвольно и неубедительно сопоставил с остроумными суждениями и ситуациями.

В своей книге он цитировал и анализировал почти только шутки, юмор, беззлобные анекдоты. Но остроумное замечание часто бывает нешуточным. Порой оно разит наповал, используется в информационной войне. А в шутке не всегда можно усмотреть остроумие; они бывают грубые, глупые, подлые, пошлые.

Стиль рассуждений Зигмунда Фрейда об остроумии – деловой, формальный, без тени юмора или иронии – прямо противоположен теме. Изложение имеет вид научного исследования, хотя метод рассуждений, основанный на специально подобранных фактах, не отвечает

принципу объективного научного анализа. Выводы автора вызывают немало недоумён-ных вопросов и рассчитаны на доверчивого читателя.

Фрейд полагает: «Юморист достигает превосходства потому, что входит в роль взрослого, до некоторой степени как бы отождествляет себя с отцом и принимает других людей за детей». Мне кажется, такое мнение основано на привычке воспринимать слушателей с высоты своего положения лектора или врача.

В действительности, даже намёк на поучение, назидание, подобное обращению взрослого к детям, может испортить хорошую шутку. Один из верных приёмов преподнести анекдот – сохранять серьёзный и простодушный вид. Контраст между бесстрастной интонацией и неожиданным смешным финалом усиливает смеховой эффект.

Часто юморист играет роль наивного ребёнка или простодушного взрослого, чем вызывает радостный смех зрителей, чувствующих своё превосходство. В образе «недотёпы» юморист успешно потешает публику. Недаром шутов держали короли и вельможи.

В работе Фрейда приведено немало острот. Но за ними следует пространное пояснение, где автор «как бы отождествляет себя с отцом и принимает других людей за детей». Тотчас пропадает очарование шутки.

Конечно, автор старался проводить научный анализ. Но излишняя серьёзность, когда речь идёт о шутках, производит комичное впечатление. Странно, что Фрейд этого не заметил. Или заметил? Не об этом ли свидетельствует его оговорка после того, как он дал сводку разнообразных технических приёмов остроумия: «Это разнообразие сбивает нас. Оно может вызвать в нас недовольство тем, что мы слишком много внимания уделяем техническим приёмам остроумия, и легко может показаться, что мы переоцениваем их значение для познания сущности остроумия».

Создаётся впечатление, что он выдерживает скучный стиль, чтобы придать сочинению вид научной работы, где важны кропотливый анализ и классификация предмета исследования, как принято в естествознании.

Зачем это нужно? Изучая природные явления, без подобного анализа и классификаций обойтись невозможно. Но феномен остроумия субъективен. Некоторые шутки рассчитаны на подготовленного читателя или слушателя. Было бы полезно классифицировать психические типы остроумцев или публики, проследить эволюцию острот, их социальные и политические функции. А зачем уделять излишне много внимания формальной стороне проблемы: приёмам, технике остроумия?

Фрейд старательно подводит читателя к выводу, обозначенному в заглавии книги: остроумие тесно связано с областью бессознательного. Расширяя пределы своего учения о психоанализе, он и перешёл от психиатрии к социальной психологии, используя феномен остроумия.

Выбор предмета исследования удобен ещё и потому, что читатель, несмотря на сухость стиля, будет время от времени улыбаться над остротами, анекдотами.

Есть и более веская причина, о которой хорошо сказал Ф.М. Достоевский в романе «Подросток»: «Даже бесспорно умный смех бывает иногда отвратителен. Смех требует прежде всего искренности, а где в людях искренность? Смех требует беззлобия, а люди чаще смеются злобно…

Иной характер долго не раскусите, а рассмеётся человек как-нибудь очень искренно, и весь характер его вдруг окажется, как на ладони… Итак, если захотите рассмотреть человека и узнать его душу, то вникайте не в то, как он молчит, или как он говорит, или как он плачет, или даже как он волнуется благороднейшими идеалами, а вы смотрите его лучше, когда он смеётся. Хорошо смеётся человек – значит хороший человек. Примечайте притом все оттенки: надо, например, чтобы смех человека ни в коем случае не показался вам глупым, как бы ни был он весел и простодушен… смех есть самая верная проба души».

Здесь Достоевский высказал, на мой взгляд, больше интересных идей и тонких наблюдений, чем их содержится в объёмистой работе «Остроумие и его отношение к бессознательному».

…Более полувека назад я заинтересовался этой книгой З. Фрейда. В Библиотеке им. Ленина мне её не выдали, сославшись на то, что данная тема не имеет отношения к моей специальности. В Исторической библиотеке этого запрета не было, и книгу я прочитал.

Она меня разочаровала. Занятны были только шутки, анекдоты, да и то не все. Пояснения автора подчас вызывали недоумение: то он говорил и без того понятные вещи, то повторял сказанное. Чувствовалось: у него есть свой замысел, и он старается подвести тебя к выводу, который считает нужным и важным. Это вызывало желание противодействовать, придумывать свои варианты объяснений.

Я ожидал от знаменитого автора откровений, проникновения в суть остроумия и его воздействия на людей. Хотел почерпнуть знания, которые помогли бы мне сочинять более яркие эпиграммы, пародии, шутки, сатиры. Ничего подобного его сочинение мне не предоставило.

Недавно я перечитал эту работу Фрейда. Прежнее впечатление укрепилось. Можно посетовать: за столько лет вам не прибавилось ума! Даже если это так, то знаний у меня стало больше, чем в молодости. А в солидных работах по психологии познания и по теории комического мне не встречались ссылки на Фрейда.

Впрочем, это ещё не означает, будто его взгляды на остроумие ложны. Да, остроумие связано с областью бессознательного. Ведь острота, шутка вызывает у нас эмоции, возникающие из подсознания.

Но если остроумная мысль для нас неожиданна, значит, в данный момент в нашем сознании не присутствовало то, что с ней связано. Иначе мы восприняли бы её как нечто само собой разумеющееся. И вдруг – озарение: то, что таилось в памяти, тотчас открывается рассудку! Мы рады своему, пусть даже небольшому, открытию (если, конечно, шутка не задевает наше самолюбие или мировоззрение).

Зубоскальство

Поэт Велемир Хлебников написал «Заклятие смехом»:

О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи!
Что смеются смехами,
Что смеянствуют смеяльно,
.....
Смеюнчики, смеюнчики…

Разные бывают смеюнчики: острые и тупые, добрые и злобные, умные и утробные. Фрейд анализировал в большом количестве остроты, основанные на игре слов. Возможно, так он – сознательно или бессознательно – подбирал примеры, наиболее подходящие для его теоретической схемы. Возможно, она отражает определенный тип смехов, смехачей и смеянства.

Например: «Два еврея встречаются вблизи бани. *“Взял ты уже ванну*?” – спрашивает один. *“Как,* – спрашивает в свою очередь другой, – *разве не хватает одной?”».* (Вариант короче: «Ты взял ванну?» «Нет, она слишком тяжёлая».)

Следует длинный и весьма нудный комментарий автора: «Первый спрашивает: “Взял ты *ванну?”* Ударение падает на элемент: “ванна”. Второй отвечает так, как будто вопрос гласил: *“Взял* ты ванну?” Текст “взял ванну” делает возможным такое передвигание ударения. Если бы вопрос гласил: “Ты купался?”, то, конечно, никакое передвигание не было бы возможным. Неостроумный ответ был бы тогда таков: “Купался? Что ты подразумеваешь? Я не знаю, что это такое”. Техника же этой остроты заключается в передвигании ударения с “ванны” на “взять”…

Но какова техника этой остроты? – очевидно, двусмысленное употребление слова “взять”. Для одного – это бесцветный вспомогательный глагол; для другого – глагол в прямом значении. Итак, это случай слова, имеющего полный смысл и потерявшего свой первоначальный смысл (Группа II, f). Если мы заменим выражение “взять ванну” равноценным, более простым “купаться”, то острота пропадает. Ответ больше не подходит. Итак, острота происходит опять-таки за счёт выражения “взять ванну”.

…Острота заключается не в вопросе, а в ответе, в ответном вопросе: “Как? Разве не хватает одной?” И этот ответ нельзя лишить заключающегося в нём остроумия никакой распространённостью изложения или изменением его, лишь бы оно не нарушало смысла ответа. У нас получается такое впечатление, что в ответе второго еврея недосмотр слова “ванна” имеет больше значения, чем непонимание слова “взять”. Но мы и здесь ясно видим это…»

Возникает подозрение: может быть, это неудачная пародия на пустословие научной статьи, в которой нарочито усложняются простейшие мысли? И при чём тут два еврея, если на их месте могли быть кто угодно? Данная плоская шутка не имеет национальных черт.

Напрасно Фрейд полагал, что тут нельзя ничего изменить без потери смысла. Как раз – наоборот. Представьте себе этих двух людей перед баней. На вопрос первого его приятель мог бы ответить: «Разве ты не видишь, что я её не брал?» Не остроумней, но логичней и более отвечает ситуации.

Увы, острота с «ванной», на которую потрачено столько слов, тупа. Она демонстрирует желание одного человека начать разговор, а другого – показать своё остроумие. В техническом отношении шутка относится в разряд убогих.

В книге «О чувстве юмора и остроумии» (1967) советский невропатолог и психолог А.Н. Лук привёл такой пример. «Однажды на семинаре, посвященном моделированию эмоциональной сферы человека, один из слушателей переспросил: “Эмоциональная сфера? А может быть, эмоциональный цилиндр?”

Он остался очень доволен своей шуткой. Кое-кто из присутствующих рассмеялся. Отбросив переносное значение слова “сфера”, автор остроты ухватился за её прямой геометрический смысл. В результате – весьма плоская острота. Скорее с претензией на остроумие, чем действительно остроумная».

(Можно сказать, исходя из выражения «гомерический хохот»: шутка вызвала *геометрический смех.)*

По мнению А.Н. Лука, нередко игра слов порождает остроты невысокого качества. «Подобного рода шутки и остроты, – писал он, – нам приходилось выслушивать от больных шизофренией. Вспоминается, как в одной из палат психиатрической больницы художник, страдавший манией величия, возвещал, что он создаст невиданный пейзаж – настоящую живую природу. Другой больной… бросил реплику: “Чтобы создать живую природу, надо сперва жениться”. Острота имела большой успех среди обитателей палаты. Она построена как раз на отбрасывании переносных значений слов, на буквальном истолковании их первоначального смысла».

Приведённые А.Н. Луком примеры, пожалуй, более интересны, чем шутка с ванной. Тем не менее советский невролог даёт диагноз:

«Склонность к таким примитивным остротам свойственна неразвитым, малокультурным людям… По нашим наблюдениям, снижение уровня, примитивизм острот отмечается в самом начале развивающегося склероза мозговых сосудов… К сожалению, так называемое “патологическое остроумие” встречается и у вполне здоровых людей с достаточно высоким уровнем образования. Известный психиатр П.Б. Ганнушкин назвал их “салонными дебилами”». Можно дополнить классификацию: есть ещё и «дворовые дебилы», а также многие прочие.

Реплика шизофреника о способе создать живую природу остроумна и, вдобавок, философична. Этот человек в виде шутки невольно высказал идею «всё живое – от живого», которую В.И. Вернадский называл принципом Реди по имени средневекового мыслителя. Этот принцип безуспешно пытаются опровергнуть многие крупные ученые, занятые искусственным синтезом живого организма… Но как только начинаешь вдаваться в такие сложности, становится не до смеха.

Если обратить внимание на большинство шуток, которыми потчует публику нынешняя орда смехачей при отмене цензуры, нетрудно заметить, какое большое место заняли именно нецензурные выражения и непристойные намеки.

Возможно, тем самым подтверждается один из основных тезисов Фрейда о сексуальном подтексте многих психических аномалий. Публика радостно гогочет, поняв намек на «запретную сферу» (или запретный цилиндр, запретные полушария – и тут есть возможность для более или менее тупых шуток).

Шутка орангутана

Чем вызван смех? Преодолением запрета на прямое упоминание о половом акте или испражнениях? Вряд ли. Теперь строгих запретов нет. Чаще всего так проявляется самодовольство потребителя подобных острот. Он радуется своей сообразительности. Если и сказывается при этом «бессознательное», то в наибольшей степени – неосознанное восхищение собой и радость от своего постижения смысла шутки.

Само по себе вторжение в «деликатную сферу» анатомии и физиологии человека способно вызвать улыбку. Вспоминается анекдот о Ходже Насреддине. Он залез в соседский сад, чтобы набрать плодов. Хозяин погнался за ним, поймал и хотел отвести к судье. Насреддин ответил: «Я всего лишь присел под деревом по естественной надобности». «Покажи, где это было?» Ходжа, пройдясь по саду, указал на коровью «визитную карточку». Хозяин возмутился: «Врёшь! Это сделало животное!». «Но ты же не дал мне сделать всё спокойно, по-человечески».

Поэт-философ Николай Заболоцкий усматривал гармонию Мироздания и в кристалле, и в цветке, и в организме каждого из нас. На этот счёт он выразился витиевато, и не без задней мысли:

Как хорошо, что дырочку для клизмы
Имеют все живые организмы.

Даже в такой малости можно усмотреть проявление совершенства природы! Тем более, с точки зрения специалиста именно в этой медицинской области. У Заболоцкого подобные афоризмы приведены в цикле «Из записок старого аптекаря»:

Дай хоть йоду идиоту —
Не поможет ни на йоту.

Подобные строки не отличаются глубиной мысли, изощрённым остроумием. Но юмор или ирония на это и не претендуют. Нам приятно отмечать созвучие слов, далеких по смыслу, тем более когда происходит внезапная «сшибка смыслов», перескок мысли из одной области мысли в другую.

В подобных проявлениях остроумия нет ничего особо примечательного и достойного многословного анализа. Однако Фрейд ставит их в один ряд с действительно отменно остроумными высказываниями, например, Генриха Гейне. В самом схематичном и примитив-

ном виде и те, и другие остроты могут быть схожи. Скажем, они вызывают смех. Но это – принципиально разные смехи.

Анализируя остроты, следовало бы, по-видимому, задуматься: кому они смешны и почему? Какая цель у шутника? Какой смысл в остроте? Она действительно острая или плоская, как блин?

Эти вопросы особенно важны при анализе насмешки, зубоскальства. Одни люди смеются, когда кто-то поскользнулся, сделал нелепые движения и упал, а другие спешат на помощь. Такие реакции разделяют личности двух типов. По-разному воспринимаются (или отторгаются) остроты, которые всегда имеют в виду адресат.

Одно дело, когда высмеивают тебя или что -то тебе дорогое, другое – когда высмеиваешь ты. Хорошую иллюстрацию на тему «хорошо смеётся тот, кто смеётся последний» привёл Джером К. Джером в повести «Трое в лодке (не считая собаки)»:

«В это утро во время одевания случилась одна забавная история… Торопясь надеть рубашку, я нечаянно уронил её в воду. Это меня ужасно разозлило, особенно потому, что Джордж стал смеяться. Я не находил в этом ничего смешного и сказал об этом Джорджу, но он только громче захохотал… Я совсем рассердился и высказал Джорджу, какой он сумасшедший болван и безмозглый идиот, но Джордж после этого заржал ещё пуще прежнего.

И вдруг, вытаскивая рубашку из воды, я увидел, что это вовсе не моя рубашка, а рубашка Джорджа, которую я принял за свою. Тут комизм положения дошёл наконец и до меня, и я тоже начал смеяться. Чем больше я смотрел на мокрую Джорджеву рубашку и на самого Джорджа, который покатывался со смеху, тем больше меня это забавляло, и я до того хохотал, что снова уронил рубашку в воду.

– Ты не собираешься её вытаскивать? – спросил Джордж, давясь от хохота.

Я ответил ему не сразу, такой меня разбирал смех, но, наконец, между приступами хохота мне удалось выговорить:

– Эта не моя рубашка, а твоя.

Я в жизни не видел, чтобы человеческое лицо так быстро из весёлого становилось мрачным.

– Что! – взвизгнул Джордж, вскакивая на ноги. – Дурак ты этакий! Почему ты не можешь быть осторожнее?.. Подай багор.

Я пытался объяснить ему, как это всё смешно, но он не понял. Джордж иногда плохо чувствует шутку».

В этой истории поочерёдно смеются то один, то другой персонаж, и это имеет прямое отношение к сознанию, а не бессознательной радости. Один потешается над неловкостью другого, которому не до смеха до тех пор, пока он не понял, что в неприятную ситуацию попал не он, а его приятель. Все мы плохо чувствуем шутку, имеющую отношение к нашей персоне.

В молодости мы смеёмся над этими двумя зубоскалами, имея в виду комичность ситуации. С возрастом начинаешь задумываться не над техникой шутки (она проста), а над её смыслом, и радостных эмоций не испытываешь. Разнообразные чувства, с которыми связано восприятие острот, заслуживают внимание психолога больше, чем скучная схематизация техники остроумия, вызывающая и по стилю и по смыслу много сомнений.

Приведу один занятный еврейский анекдот из книги Фрейда.

Обедневший мещанин занял у богатого знакомого 25 флоринов. Вечером благотворитель, увидев его в ресторане вкушающим сёмгу с майонезом, возмутился:

– Как вы смеете занимать у меня деньги на бедность, а сами заказываете себе сёмгу с майонезом!

– Простите, я не понимаю, – отвечает гурман. – Когда я не имею денег, я не могу кушать сёмгу с майонезом. Когда у меня есть деньги, я не смею кушать сёмгу с майонезом. Когда же я буду кушать сёмгу с майонезом?

Фрейд делает аналитический вывод: «Давший ему деньги взаймы совсем не упрекает его в том, что ему захотелось сёмги …а напоминает ему о том, что он при настоящем своём положении *вообще не имеет права* думать о таких деликатесах. Этот единственно возможный смысл упрёка обедневший бонвиван оставляет без внимания и отвечает на что-то другое, как будто он не понял упрёка. Не заложена ли в этом увиливании ответа от смысла упрёка техника этой остроты?»

Риторический вопрос предполагает положительный ответ. Но если суть в увиливании от прямого ответа, что тут смешного? Должник, застигнутый на месте «гастрономического преступления», казалось бы, должен оправдываться. Таково наше ожидание. А ещё мы ждём неожиданного смешного финала, как бывает в хорошем анекдоте.

События в нём развиваются быстро, и мы не успеваем придумать остроумный вариант, невольно представив себя на его месте. И тут звучит напористый, логичный и в то же время отчасти абсурдный его ответ. Почему нам нравится такое поведение, вызывая улыбку?

Мы на стороне находчивого поедателя сёмги с майонезом, его кредитор осмеян. Нам безразлично, на что остряк решил потратить деньги. Он поступил как свободный человек, сделавший свой выбор вопреки обстоятельствам. Быть может, он двое суток будет голодать, зато полакомится всласть в ресторане, как богач.

Неожиданность и остроумие ответа поднимает в наших глазах должника. Но того, кто представит себя на месте кредитора, может возмутить столь наглое поведение. Такому человеку полезно припомнить слова Генриха Гейне:

«Моя мать, когда была беременна, читала художественные произведения, и я стал поэтом; мать моего дяди, напротив того, читала разбойничьи рассказы о Картуше, и дядя Соломон стал банкиром».

Впрочем, подобные сатиры на богатых в книге Фрейда отсутствуют. Не проявляется ли так бессознательное опасение автора обидеть тех, кто был наиболее щедрыми его клиентами?

«Ей-ей, умру от смеха!»

В словарях русского языка слова «Смерть» и «Смех» стоят неподалёку друг от друга. Но если Анри Бергсон считал смех лекарством против тщеславия, то Людвиг Фейербах называл смерть радикальным лекарством от всех болезней.

«Тенденции остроумия легко обозреть, – полагал Фрейд. – Там, где острота не является самоцелью, т.е. там, где она не безобидна, она обслуживает только две тенденции, которые могут быть даже объединены в одну точку зрения; она является либо *враждебной* остротой (которая обслуживает агрессивность, сатиру, оборону), либо *скабрёзной* остротой (которая служит для обнажения)».

Он упустил из вида едва ли не самую важную функцию остроумия: в большинстве случаев оно *объединяет* людей сходных убеждений, склада ума или характера. Недаром тех, кто умеет вовремя пошутить, рассказать остроумную историю, называют «душой общества». В такой забывчивости Фрейда усматривается его подсознательная ориентация на индивидуализм, склонность подчёркивать черты враждебности и скабрёзности.

Смех может объединять не только в добродушии, но и в ненависти. Бывает и горькая шутка. В конце прошлого века, видя на телеэкране радостные лица публики, которую развлекали штатные смехачи, я записал в дневнике: «Русский народ, смеясь, расстаётся со своим будущим».

Из традиционного вида горьких острот можно назвать эпитафии. Странно, что Фрейд не учёл этого. Ведь согласно его взглядам, существует «два вида первичных порывов»: «сексуальные инстинкты, или Эрос» и проявляющийся в садизме «инстинкт смерти», или Танатос.

Восполним это упущение Фрейда. Вспомним про эпитафии – весьма своеобразное проявление остроумия, прямо противоположное садизму, но тоже, на первый взгляд, демонстрирующее «инстинкт смерти».

Говорят, смех убивает. Но люди предпочитают убивать друг друга иными способами. Кто выходит на бой со злом вооруженный одним остроумием, рискует жизнью. Не потому, что острота действует на подсознание. Она затрагивает именно сознательную сферу, тем более когда речь идёт о сатире. (Фрейд о ней не упомянул, по-видимому, потому, что она плохо соотносилась с его гипотезой остроумия.)

Припев «Ей-ей, умру от смеха» в песне Беранже обличает патологического оптимиста. От смеха вроде бы ещё никто не умирал. Всегда находятся другие причины. Но есть люди, умирающие со смехом!

Один преступник, которому палач медлил накинуть петлю на шею, попросил: «Делай скорей, а то я боюсь щекотки».

Другого висельника причащал перед смертью священник, закончивший свою проповедь: «Скоро вы будете там, в лучшем мире, вкушать небесную пищу». Преступник деликатно ответил: «Я не голоден, святой отец. Если желаете, идите вкушать вместо меня».

Поэт, бродяга и бандит Франсуа Виньон, приговорённый к повешению, в ночь перед казнью написал (перевод С. Маршака):

Я Франсуа, чему не рад,
Увы, ждёт смерть злодея,
И сколько весит этот зад
Узнает завтра шея.

С древних пор о смерти говорили не только всерьез, но и в шутку. Если так проявляется «инстинкт смерти», то он должен быть наиболее очевидным в эпитафиях древности, когда люди ещё не находились под мощным давлением идеологии технической цивилизации.

Первый из дошедших до нас авторов эпитафий – греческий поэт Симонид, живший 2,5 тысячелетия назад. Он сочинил немало героических и лирических надписей на могилах. Порой в некоторых слышится ирония. Вот эпитафия купцу:

Родом критянин, Бротах из Гортины,
в земле здесь лежу я.
Прибыл сюда не затем, а по торговым делам.

А вот надпись, обращённая к вдове:

Лишь погляжу на надгробье Мегакла,
становится сразу,
Каллия, жалко тебя: как ты терпела его?

С тех пор насмешки над смертью и над почившими (или, как все мы, обреченными на вечный покой) стали появляться все чаще. Их использовали, конечно же, в назидание живущим. Или для того, чтобы подавить страх небытия?

Каллимах из Кирены, уроженец северной Африки, работал в знаменитой Александрийской библиотеке. Его обращение к теме смерти проникнуто философской иронией. Он оставил проект надписи над упокоившимся мизантропом, презиравшем и ненавидевшим людей:

– Тимон, ты умер, – что ж, лучше тебе или хуже
в Аиде?
– Хуже: Аид ведь куда больше людьми населен.

Леонид из Тарента (III в. до н.э.), с юга Италии, был далёк от царских дворов и вилл богачей. Он писал трогательные эпитафии Рыбаку, Пастуху, Ткачихе. В эпитафии богачу он упомянул о его бесчисленных стадах, обширных пастбищах и пашнях, неисчислимых богатствах, которым завидовали все. А финал:

…но из скольких владений
Ныне так мало земли он во владение взял.

Умилительно и успокоительно, а ещё и остроумно изобразил Леонид путь, который суждено пройти каждому смертному:

Дорогой, что в Аид ведет, спокойно ты
Иди! Не тяжела она для путника
И не извилиста ничуть, не сбивчива,
А так пряма, ровна и так полога вся,
Что и закрыв глаза, легко пройдешь по ней.

Технический приём тут прост. Но если обратиться к классификации Фрейда, подойдёт сразу несколько пунктов. «II. Употребление одного и того же материала: …f) одни и те же слова, употреблённые в полном смысле и потерявшие первоначальный смысл». И «III. Дву-

смысленность: …h) метафорическое и вещественное значение, …k) двоякое толкование, 1) двусмысленность с намёком».

Что мы приобрели при таком анализе? Видимость использования научного метода. А потеряли смысл, остроумие и, в сущности, само сочинение Леонида.

Кстати, наукоподобие астрологических измышлений и вычислений осмеял другой греческий поэт, Лукиллий, живший около двух тысячелетий назад. Его эпиграмма весьма актуальна в наши дни:

Все в один голос отцу предсказали астрологи как-то,
Что до глубоких седин брат мой сумеет дожить.
Лишь Гермоген заявил: «Он умрет
преждевременно».
Только Это сказал он уже после кончины его.

Пляска смерти. Гравюра Ханса Хольбейна. XVI в.

Возможно, немало досадили Лукиллию многочисленные певцы, исполнители собственных песен (возможно, в подражание императору Нерону). Одного из них поэт ославил так в эпитафии:

Умер поэт Евтихид – сочинитель песен.

Бегите Все, кто лежит под землей: к вам направляется он.

О другом певце сказано с эпическим спокойствием:

Целую ночь распевая с кифарой, убил всех соседей
Пеньем Симил-кифарист. Жив лишь один Ориген:
Он от рождения глух. Так природа, лишив его слуха,
В вознагражденье дала более долгую жизнь.

В этих примерах остроумия времён Античности, да и в более поздних эпитафиях лишь при большом желании, вопреки очевидности можно усмотреть проявление «инстинкта смерти». К области бессознательного они имеют лишь косвенное отношение. Их можно, пожалуй, упрекнуть в чрезмерной рассудительности.

Если когда-то врачам посвящали почтительные эпиграммы, то затем о них стали отзываться язвительно. Римский поэт Марциал (I век) писал:

Врач был недавно Диавл, а ныне
могильщиком стал он:
Начал за теми ходить, сам он кого уходил.

Тут игра слов, о которой много писал Фрейд, анализируя технику остроумия. Но в отличие от зубоскальства, добротное остроумие радует «игрой смыслов». Оно становится острым оружием в руках сатирика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.